

ДАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ИНТЕРФЕЙС В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Максим Стаменов^а, Антон Циммерлинг^б

Институт болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина,
Болгарская академия наук^а, Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина / Институт языкознания РАН^б

maxstam@bas.bg^а, fagraey64@hotmail.com^б

Резюме. В главе рассматривается место дативно-предикативных структур (ДПС) в русском и болгарском языках и способы реализации в них семантико-синтаксического интерфейса. Особое внимание уделено основным дифференциальным признакам предикативов – формальным и семантическим, а также свойствам и специфике интерфейса между формой и содержанием этого типа структур с точки зрения возможностей выражения в них основных морфологических, синтаксических и семантических реляций.

Ключевые слова: *надеж, согласование, дативно-предикативные структуры, дативно-инфинитивные структуры, дэвидсоновские состояния, експериенцер, синтаксический контроль, семантический контроль, грамматическая категория лица, местоименные клитики*

Введение

В главе характеризуется статус дативно-предикативных структур (ДПС) в русском и болгарском языках. Особое внимание уделено основным морфологическим, синтаксическим и семантическим свойствам этого типа конструкций в обоих языках на основании сопоставления с родственными структурами в рамках соответствующих парадигм различных уровней грамматических систем. Такой подход позволяет очертить сходства и различия между способами оформления и функционирования ДПС не на основании установления парных соответствий и расхождений, например с помощью сопоставления переводных коррелятов в репрезентативных корпусах текстов, а с точки зрения использования возможностей выражения, которые дает соответствующий язык.

При таком подходе к способам функционирования ДПС существенными оказываются сопоставимые параметры реализации в русском и болгарском, ко-

* Максим Стаменов, Антон Циммерлинг. Дативно-предикативные структуры и семантико-синтаксический интерфейс в русском и болгарском языках. – В: Св. Коева, Е. Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). *Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделране. Съпоставително изследване за български и руски*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 303–357.

<https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.11>

торые оказывают влияние на их выбор в конкуренции с альтернативными средствами выражения данной языковой системы. В русском языке такими представляются:

1. Возможности формировать двусоставные и односоставные предложения, место ДПС среди последних и проблема согласования предиката;
2. Дативные схемы предложения и их компоненты с точки зрения следующих их особенностей: предикаты состояния и оценки и их значение в ДПС, способы дифференциации и противопоставления внутренних и внешних состояний; словообразовательные характеристики предикативов ДПС и в частности их распределение по частям речи; сочетания и синтаксические идиомы в позиции предикатива;
3. Онтология конструкции ДПС, распределение предикативов по семантическим классам и семантические ограничения на их образование, такие как неодушевленность аргумента в дат. п., его активность и запрет на интенционализацию внешних состояний;
4. Особенности семантико-грамматического интерфейса в конструкциях ДПС: морфологический падеж, предикативы и типы предикатов; гипотеза Поспелова и отсутствие согласовательной морфологии; автореферентность и *мне-мера*; субъект состояния и субъект оценки как компоненты значения; падежное маркирование одушевленного участника и статус Субъекта; общая характеристика макророли субъекта состояния, синтаксический контроль и заполнение позиции субъекта; гетерогенность тематической макророли Субъекта состояния.

Для болгарского языка существенными являются следующие аспекты реализации ДПС в контексте системных возможностей языка:

1. Двусоставные и односоставные предложения как средство выражения и место ДПС среди них;
2. Обзор конструкций, которые требуют для своей реализации субъекта в дат. пад. в предложениях с предикативом;
3. Классы предикативов и тематическая структура ДПС, при толковании которых обращается внимание на формальные и содержательные характеристики предикативов; на основные семантические их группы и возможности реализации на этом основании различных тематических конфигураций ДПС; на некоторые особенности использования предикативов в дательных конструкциях по сравнению с безличными; на специфику противопоставления и идентификации референтов предикативов состояния и оценки;
4. Характерные особенности использования кратких дательных форм личных местоимений и семантико-синтаксический интерфейс, среди которых предметом обсуждения становятся: нарушение правил согласования между подлежащим и сказуемым; специфика функционирования категории грамма-

тического лица; некоторые специфические особенности референциального и кореференциального потенциала личных местоимений с точки зрения распределения по лицу и коррелятивному доступу к содержанию предложения; функции категории падежа в рамках ДПС; содержательная характеристика тематической роли Экспериенцера; характер императивного использования дательной клитики и возможности дублирования косвенного дополнения.

Представленный анализ создает возможность развернуть категориальный аппарат для сопоставления ДПС (и подобных конструкций), при которых в центре внимания будут аспекты реализации этих структур в контексте возможностей, которые предоставляет соответствующая грамматическая система по отношению к таким основополагающим ее категориям, как структура предложения, требования к согласованию частей предложения, функции падежа, роль грамматического лица, способы функционирования клитик, возможности синтаксического и семантического контроля и т. д.

1. ПРЕДИКАТИВЫ И ДАТИВНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Односоставные, двусоставные предложения и согласование предиката

В русской лингвистической традиции для классификации предложений обычно используется концепция А. А. Шахматова (Шахматов / Shahmatov 1925). Полные предложения, где внешне выражены оба главных члена, называются *двусоставными*, прочие – *односоставными*. Сам А. А. Шахматов допускал наличие предложений, где единственным главным членом является подлежащее (т. н. *назывные* предложения), другие русисты полагают, что назывные предложения типа *Тишина*; *Благодать!* являются разновидностью односоставных сказуемых структур. *Безличными* традиционно называют те односоставные предложения, где глагол стоит в 3 л. ед. ч. (в прош. вр. – 3 л. ед. ч. ср. р.), контролер согласования отсутствует, а восстановление подлежащего невозможно в принципе (*Светает. *Природа светает*) либо невозможно без изменения значения предложения (*Васю вырвало ~ Вася вырвал столб*¹). Формализация этого анализа связана с представлением о том, что в структуре безличного предложения позиция подлежащего отсутствует (Babby 2002).

¹ Предложения типа *Ветер вырвал столб* и *Столб вырвало ветром* не синонимичны: информация о том, что столб был вырван из земли благодаря действию стихийной силы, вычитывается из схемы второго предложения, но не первого.

Выделение т. н. *неопределенно-личных* (*У нас в зале не курят*) и *обобщенно-личных* предложений (*Тише едешь – дальше будешь*) в особые структурные типы во многом объясняется тем, что в традиции А. А. Шахматова нулевые (внешне невыраженные) подлежащие не признаются. В других грамматических теориях такие предложения рассматриваются как субъектно-предикатные структуры, т. е. структуры с позицией подлежащего, где форма лица и числа глагола контролируется внешне невыраженным подлежащим с неопределенной или обобщенной референцией. Но тем же способом можно описать и часть безличных предложений, а именно те, в аргументной структуре которых имеется устраненный производитель действия (агенс), ср. *лодку опрокинуло* (Mel'čuk 1995). В типологической литературе деагентивные предложения типа *лодку опрокинуло* <стихийной силой>, *лодку опрокинули* <люди> объединяются в широкий класс конструкций с устраненным агенсом или устраненным неагентивным подлежащим, которые получили название *имперсональных* (Malchukov, Ogawa 2011). Лишь часть этих предложений является безличными в смысле традиционной грамматики. Тем самым образом, наиболее ясным для определения безличных предложений остается критерий согласования: в языке, где имеется механизм согласования сказуемого с подлежащим, часть предикатов формально сохраняет согласовательную форму в отсутствии лексически выраженного контролера согласования. Этот феномен в современных теориях грамматики принято называть *дефолтным согласованием* (default agreement), ср. (Лютикова / Lyutikova 2017). Дефолтное согласование отличает сказуемые безличных предложений от предикатов типа *прыг, хлоп*, которые вообще лишены категории лица. Имеются основания считать, что в русском языке и большинстве аккузативно-номинативных языков типа русского лексическим контролером согласования может быть только именная группа, имеющая высший падеж в иерархии падежей – им. п.² Не все типы подлежащих являются лексическими контролерами сказуемых, так, у инфинитива и придаточного категории падежа нет, поэтому даже если признать предложения [*Читать книги*] было интересно и *Васю огорчило*, [*что ему не дали премии*] двусоставными, в них может реализоваться только дефолтное согласование. Нестандартные свойства в русском языке имеют количественные группы типа *два человека, пять человек*, которые согласуются со сказуемым во мн. ч., что естественно толковать как лексическое согласование, ср. [*пять человек*]^{PL} *пришли*_{3PL}, либо в ед. ч., что разумно истол-

² Неясно, распространяется ли данный принцип на предполагаемые нулевые подлежащие предложений типа \emptyset^{3PL} *уронили*_{3PL} *мишку*_{ACC} *на пол*, но это вопрос синтаксического формализма. В большинстве современных теорий падежа выдвигается постулат о том, что падеж приписывается именным группам. Этого статуса у нулевого подлежащего быть не может, но для языков типа русского можно допустить, что нулевое подлежащее \emptyset^{3PL} имеет форму числа, которую копирует сказуемое *уронили*_{3PL} *мишку*_{ACC}.

ковать как дефолтное согласование, ср. *пять человек пришло*_{3SG.N}. При наличии препозитивного определения сказуемое всегда согласуется в мн. ч. – [*эти/новые пять человек*]^{PL} *пришли*_{3PL} / **пришло*_{3SG.N}, что служит серьезным основанием признать контролером согласования препозитивный детерминатор, а не числительное, а сами выражения типа [*эти новые пять человек*] приравнять к т. н. расширенным именным группам (determiner phrase), ср. (Лютикова / Lyutikova 2018; Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 387). Все перечисленные нестандартные типы предложений связаны с 3 л., что служит дополнительным доводом в пользу того, чтобы считать обобщенно-личные предложения (2 л.) двусоставными. Что касается привязки типов предложений к граммемам категории числа, следует иметь в виду, что дополнительное распределение неопределенно-личных предложений (3 л. мн. ч.), описывающих действия и процессы, инициируемые необозначенной или неизвестной говорящему группой лиц, и безличных предложений, описывающих ситуации, не контролируемые никаким одушевленным участником (3 л. ед. ч.), не универсально. Оно сложилось в истории русского языка сравнительно недавно: в древнерусский период «неопределенно-личные значения», связанные в современном русском языке исключительно с 3 л. мн. ч., могли выражаться и односоставными предложениями в 3 л. ед. ч. (Циммерлинг / Zimmerling 2018a).

В односоставных предложениях подлежащего нет по определению, однако могут быть выделенные именные или местоименные элементы, по некоторым признакам отличающиеся от дополнений и сближающиеся с подлежащими двусоставных предложений. Такие элементы принято называть *приоритетными актантами* (Тестелец / Testelec 2001: 319) или *неканоническими субъектами* (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 52). Должны быть специальные основания и диагностика для их выделения, поскольку постулат о том, что любая предикация включает приоритетный актант, является скрытой формой утверждения о том, что все предложения двусоставны. В языках, где каноническое подлежащее двусоставных предложений получает *прямой*, т.е. высший в падежной иерархии падеж, приоритетные актанты могут получать косвенный падеж. Для русского языка в этой перспективе обсуждались падежные конструкции с формами разных косвенных падежей (Mel'čuk 2014), но наибольшие основания для выделения неканонических субъектов дают схемы предложения, где одушевленный участник обозначается формой дат. п.

2. Дативные схемы предложения

В русском языке имеется четыре основных схемы предложения с предполагаемым субъектом в дат. п. Объединение их в одну конструкцию большинство ученых считает невозможным, однако периодически предпринимаются попытки их сблизить (Moore, Perlmutter 2000; Бонч-Осмоловская / Bonch-

Osmolovskaja 2003; Митренина / Mitrenina 2017) на основе неverifiedируемого предположения, что конструкции, включающие общие фрагменты синтаксической структуры (позиция одушевленного участника, маркируемого дат. п., и позиция вложенного инфинитивного дополнения), должны иметь и некоторую общую семантику. Дополнительной мотивацией таких попыток является принимаемый в рамках некоторых формальных моделей падежа постулат Р. О. Якобсона о том, что у падежей есть обобщенные значения, мажорирующие различия между синтаксическими конфигурациями, в которых падеж приписывается зависимому элементу.

1. *Дативно-предикативные структуры* (далее – ДПС), имеющие схему $N_{\text{DAT}}^{\text{ANIM}} - \text{AUX} - \text{PRED}^0$ (дат. п. лица – связка – предикатив⁰): *Мне холодно. Мне противно. Мне все равно. Мне любопытно узнать, как прошла встреча.* В конструкции ДПС ограничение на одушевленность субъекта соблюдается строго, все имеющиеся видимые отклонения удовлетворительно объясняются как случаи персонификации или переносных употреблений неодушевленных существительных (Циммерлинг / Zimmerling 2020b). Большинство предикативов⁴ ДПС имеет валентность на инфинитив, однако это не является общим диагностическим критерием конструкции. Предикативы ДПС лишены форм согласования и категории падежа (Поспелов / Pospelov 1955). Позиция связки может быть заполнена нулевой или ненулевой связкой, в зависимости от типа связки, формы времени и наклонения.

2. *Дативно-инфинитивные структуры* (далее – ДИС), имеющие схему $N_{\text{DAT}}^{\text{MOD}} - \text{INF}^0$ (дат. п. модального субъекта – предикатив⁰). Конструкция ДИС задает значение т. н. внешней (алетической) модальности: внешний фактор F (не) позволяет X-у сделать p. В зависимости от видовой формы инфинитива (сов. ~ несов. вид) и наличия отрицания предложение ДИС выражает значение алетической (не) возможности, либо (реже) – алетической необходимости (Fortuin 2005; Митренина / Mitrenina 2017). Как правило, модальный субъект является одушевленным, при этом имплицитный модальный субъект всегда интерпретируется как одушевленный: *Мне^{ANIM} не успеть на поезд ~ \emptyset^{ANIM} не успеть на поезд.* Однако это не является ограничительным условием, ср. *Грузовикам тут не проехать. Быть дождю.* Поэтому правильно заключить, что конструкция ДИС не ограничивает одушевленность участника, выраженного дат. п., а синтаксический признак \pm Одушевленность четко противопоставляет конструкции ДИС

³ Запись X^0 указывает на то, что элемент X является синтаксической вершиной некоторой группы.

⁴ Здесь и далее термин «предикатив» используется в техническом смысле «неглагольный элемент сказуемого, который не может использоваться в данном языке в непредикативной позиции».

и ДПС (Циммерлинг / Zimmerling 2020b). Конструкция ДИС не является стандартной связочной структурой: она явно ориентирована на настоящее время изъявительного наклонения, где внешне выраженная связка «быть» отсутствует, и лишь ограниченно используется в будущем и прошедшем времени, *??мне будет не успеть на поезд, *мне не будет успеть на поезд*. В связи с этим выдвигалось предположение, что элементы *было* и *будет* при инфинитиве являются не связками, а модализованными временными частицами (Moore, Perlmutter 1999). Доводом в пользу такого анализа выступает то, что замена этих элементов на другие связки в предложениях ДИС невозможна: **мне сделалось не успеть на поезд*.

3. Дативно-номинативные структуры (далее – ДНС), имеющие схему $N_{\text{DAT}}^{\text{ANIM}} - \text{AUX} - N_{\text{NOM}}$: *Мне были не под силу эти задачи. Эти рукавицы мне были впору*. Предложения ДНС являются связочными структурами с двумя именными группами, где согласование контролируется группой в им. п. С точки зрения традиционной грамматики предложения ДНС являются двусоставными, однако участник в им. п. не может быть признан *внешним аргументом* предиката, так как не является агентивным. Поэтому облигаторно одушевленный участник в им. п. может конкурировать с ним за роль приоритетного актанта в аргументной структуре ДНС. Достаточных оснований признавать участник в дат. п. аналогом подлежащего нет, однако некоторые предикатные элементы, допускающие в русском языке конструкцию ДНС, параллельно допускают и конструкцию ДПС, что представляет проблему для описания, поскольку интуитивно неочевидно, что группа инфинитива стоит в той же позиции, что именная группа в имен. п.: *мне_{DAT} было_{3SG.N} не под силу [InP решить [DP эти задачи]_{ACC.PL}]* (ДПС) ~ *мне_{DAT} были_{3PL} [DP эти задачи]_{NOM.PL} не под силу* (Циммерлинг / Zimmerling 2018b). Предложения ДНС могут также вводиться глаголом *нравиться*, который обычно не рассматривается как связка, но допускает ту же двойственность в плане реализации валентностей на группу в им. п. и на инфинитив: *мне_{DAT} не нравилось_{3SG.N} [InP решать [DP эти задачи]_{ACC.PL}]* ~ *мне_{DAT} не нравились_{3PL} [DP эти задачи]_{NOM.PL}*.

4. Глагольно-безличные предикаты с дат. п., строящиеся по схеме $N_{\text{DAT}}^{\text{ANIM}} - V_{\text{IMP}}$. *Мне просто повезло с этим. Мне повезло купить последний экземпляр. Мне не случилось застать его дома*. Данный тип при глаголах со значением «случиться», «иметь место» непродуктивен, поскольку русский язык явно предпочитает комбинировать с приоритетным актантом в дат. п. не глаголы, а неглагольные предикативы ДПС либо нефинитные предикаты (инфинитив в предложениях ДИС). Относительно продуктивной можно признать деагентивную конструкцию с производным возвратным глаголом, передающую значение отсутствия/наличия препятствий в реализации действия: *я не работаю → мне не работается, я не сплю → мне не*

спится, я хорошо сплю → *мне хорошо спится*⁵ (Виноградов / Vinogradov 1972: 500). Сюда же можно отнести лексикализованные безличные глаголы на *-ся*, образованные от пропозициональных глаголов и сохраняющие валентность на инфинитив или придаточное: ср. *мне хочется, не терпится сделать р, мне с трудом верится в то, что р, мне думается, что р*.

В предложениях ДПС дат. п. лица приписывается в русском языке лексически теми элементами, которые входят в класс предикативов ДПС. Альтернативная точка зрения, согласно которой дат. п. лица является факультативным расширителем предложения, т. н. *субъектным детерминантом*, который может быть добавлен в схему любого предиката (Шведова / Shvedova 1982: 150–151), в настоящее время опровергнута. Класс предикативов ДПС в современном русском языке продолжает пополняться, однако регулярная валентность на дат. п. имеется только у тех несогласуемых неглагольных предикатных слов, которые удовлетворяют двум условиям:

- (i) их лексическое значение соответствует таксономическому значению конструкции ДПС,
- (ii) они присутствуют в активном словаре большинства носителей русского языка, что проверяется методами социалингвистического эксперимента (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 247).

В предложениях ДИС дат. п. модального субъекта не приписывается лексически, но является характеристикой самой структуры нефинитной клаузы, т. е. не зависит от выбора конкретного инфинитива или причастия (Franks 1995). Кроме того, предложения ДИС и ДПС кардинально отличаются тем, что в предложениях ДИС инфинитив служит лексической вершиной сказуемого, а в предложениях ДПС он является зависимым предикатива. Имеются некоторые основания считать русские предложения ДИС биклаузальными структурами, где инфинитивная клауза $N_{\text{ДАТ}} - \text{INF}$ зависит от некоторой внешне невыраженной синтаксической вершины, обеспечивающей реализацию модальной семантики (Fleischer 2006). Следует, однако, иметь в виду, что в современном русском языке *вложенные* предложения ДИС (*embedded dative-infinitive structures*), за немногими исключениями, отсутствуют. Поэтому при рассмотрении *независимых* предложений ДИС (*root dative-infinitive structures*) в ряде случаев можно отвлечься от вопроса о количестве клауз в них и рассматривать инфинитив просто как вершину сказуемого элементарного предложения. Такой подход реализован в академической грамматике русского языка (Шведова / Shvedova 1982: 374–377).

⁵ В подобных парах безличное возвратное предложение с семантическим субъектом в дат. п. передает значение о том, что действие *р* (не) осуществляется помимо воли субъекта, в отсутствии контроля или при неполном контроле с его стороны.

2.1. Предикаты состояния и значение конструкции ДПС

Класс предикативов ДПС попал в поле зрения грамматической теории в начале XX в., когда Л. В. Щерба выдвинул гипотезу о том, что предикативы ДПС являются ядром новой части речи, формирующейся в русском языке и выражающей предикатное значения состояния (Щерба / Shcherba 1928; 2008: 90). Последователи Л. В. Щербы, А. В. Исаченко (Исаченко / Isachenko 1955) и Ю. С. Маслов (Маслов / Maslov 1981) распространили эту гипотезу на другие славянские языки, включая болгарский, и отметили, что часть предикативов реализуется за пределами конструкции ДПС. Это имеет параллели в русском языке, где выделяется класс несогласуемых элементов, сочетающихся с подлежащим в им. п. и выражающих сходное или идентичное значение временно переживаемого состояния, имеющего одушевленного носителя: *Он был навеселе. Она была не в своей тарелке*. Особенностью русской грамматики является то, что одни и те же предикативы не могут сочетаться и с субъектами в дат. п., и с субъектами в им. п., что исключает употребления **он был так и надо, *ему было навеселе*. Тем самым, два класса предикативов соотнесены с разными моделями предложения. Другой особенностью русского языка является ориентация предикативов, сочетающихся с им. п. и дат. п., на разные формы категории лица. Как показано в (Циммерлинг / Zimmerling 2020a), предикативы, соотнесенные с моделью $N_{\text{НОМ}} - \text{PRED}$, ориентированы на описание состояний, переживаемых другими лицами (3 л.), их употребление в контексте актуальных состояний, переживаемых самим говорящим, проблематично: **я сейчас навеселе*. Напротив, предикативы ДПС совместимы с таким употреблением, и более того, ориентированы на употребление в 1 л., отражением чего является значительное преобладание высказываний в 1 л. ед. ч. над высказываниями во 2–3 л. в корпусной выборке стандартных и высокочастотных предикативов ДПС (Там же). Такое соотношение форм категории лица и схем предложения позволяет квалифицировать большинство предикативов ДПС как *автореферентные* слова, регулярно создающие контексты, где говорящий сам описывает и оценивает переживаемое им состояние.

Некритическое использование ярлыка «категория состояния», введенного Л. В. Щербой для указания на гипотетическую часть речи, якобы формирующуюся в русском языке, имело два негативных следствия для описания самих русских предикативов. Во-первых, значение состояния ошибочно воспринималось как интуитивно ясное и эксплицитно не определялось. Во-вторых, исходное допущение о том, что формальный класс слов, характеризующийся общностью морфосинтаксических признаков, непременно должен иметь общую семантику и признаки особой части речи, вызвало неприятие ученых, отстаивавших морфологическую классификацию частей речи (Шапиро / Shapiro 1955) и автономность лексической семантики (Апресян / Апресян 1985) и надолго отвлекло внимание от описания самих конструкций с предикативами. В силу этого, классификации безличных русских слов «категории состояния», предло-

женные в работах 1940-х – 1980-х гг., начиная с (Виноградов / Vinogradov 1947), представляют собой не всегда удачный компромисс между семантическими критериями и догматическими требованиями, вытекающими из принятия гипотезы Л. В. Щербы в ее радикальной форме. Так, В. В. Виноградов (Виноградов / Vinogradov 1972: 324–325) без каких-либо оговорок объединяет в одни и те же тематические группы неглагольные и глагольные слова, при том что часть приведенных им слов принципиально не может иметь валентности на дат. лица, ср. *Досадно*. и *Взгрустнулось*. *И верится*, и *плачется*, также *Солнечно*. *Знойно*. *Светлеет*. *Серело*, также *Уютно* и *Светло и людно*. Объединение всех этих слов в один класс мотивировано только убеждением, что они перестали быть глаголами, прилагательными, наречиями и вошли в категорию состояния.

Мы полагаем, что в настоящей главе уместно сосредоточиться на двух проблемах:

- а) Есть ли у конструкции ДПС единая таксономическая семантика, соответствующая ее поверхностно-синтаксической схеме.
- б) Являются ли все предикативы ДПС предикатами состояния.

На первый вопрос мы отвечаем положительно, утверждая, что все русские предикативы ДПС обозначают локализованные во времени и пространстве (spatiotemporal) ситуации и соответствуют определению того типа предикатов, который в семантической типологии принято называть *дэвидсоновскими состояниями* (davidsonian states) или *предикатами стадийного признака* (stage-level predicates, SLP), ср. (Davidson 1980; Kratzer 1995).

Определение предиката как дэвидсоновского состояния (SLP) означает, что он *не может* выражать другие предикатные значения, в частности, обозначать постоянные или вневременные свойства (properties, individual-level predicates, ILP), процессы и результаты. В самом деле, все предикативы ДПС удовлетворяют данному критерию, что отметил в 1928 г. уже Л. В. Щерба, осознавший, что предикаты состояния и предикаты свойства соотнесены в русском языке с разными классами неглагольных слов. Слабая форма гипотезы Щербы о том, что все несогласуемые именные слова в позиции после связки выражают в русском языке значение состояния, правдоподобна, если ограничить рассмотрение двумя классами предикативов и исключить ошибочно приведенные Л. В. Щербой выражения типа *<Он был>* в *сюртукe*, которые могут использоваться в непредикативной позиции, ср. *В сюртукe были деньги*. Сильная форма гипотезы Л. В. Щербы, которую он прямо не высказывал, но которая вычитывается из его изложения и порой озвучивается его последователями, состоит в том, что значение состояния не выражается словами, которые не принадлежат к категории состояния и сохраняют формы согласования в составе сказуемого. Это утверждение очевидно ложно. Так, например, предложение (1.) может иметь только значение состояния, а не значение вневременного свойства, хотя прилагательное *грустный* стоит в полной форме.

1. *Саша вчера был грустный.*

Ответ на второй вопрос зависит от того, как именно используется термин «состояние» в лексикографическом описании. Он может использоваться просто как рамочное обозначение всего класса дэвидсоновских состояний, и тогда все предикативы ДПС, независимо от того, обозначают ли они физиологические реакции, аффекты, модальные установки или оценки, будут сочтены состояниями в широком смысле термина (Циммерлинг / Zimmerling 2018b; 2021b: 245). Однако термин «состояние» может использоваться также в узком смысле, для выделения той группы значений, которая непосредственно связана с экспериенциальным одушевленным субъектом, а не, например, с субъектом оценки или наблюдателем. В этом случае лишь часть предикативов ДПС будет признана состояниями (Золотова / Zolotova 182; Кустова / Kustova 2021; 2022; Летучий / Letuchij 2022). Слова типа *людно*, *парно*, приведенные В.В. Виноградовым, являются состояниями только в рамках дэвидсоновской традиции, отраженной, в том числе, в таких важных для русской лингвистики работах, как (Булыгина / Bulygina 1982; Селиверстова / Seliverstova 1982), но не в рамках классификации значений, связанных со сферой одушевленного субъекта. Слова вроде *пыльно*, *солнечно*, *знойно* почти не сочетаются в русском языке с дат. п. лица, потому что они обозначают такие положения дел, которые должны оцениваться одинаково всеми наблюдателями. В таких случаях мотивация для создания предиката внутреннего состояния минимальна, поэтому спорадически встречающиеся в корпусах текста коллокации типа **мне пыльно*, **мне солнечно* остаются плодом индивидуальных экспериментов говорящих и не входят в словарь конструкции ДПС. Однако и некоторые предикативы, имеющие регулярную валентность на дат. п., могут не быть связаны с экспериенциальным субъектом, по крайней мере, – в определенных контекстах. Так, *мне неразумно* в контексте (2.), скорее означает ‘X считает, что делать *p* неразумно’, чем ‘X переживает состояние неразумия при оценке возможности сделать *p*.’ Предложение (3.), без дат. п. лица и с топикализированным инфинитивным оборотом, может быть базовой структурой для толкования значения предложения (2.), хотя порядок слов с топикализированным инфинитивом не является коммуникативно нейтральным.

2. *Мне*_{DAT} *неразумно*_{PRED} [*инф* *отказываться от этого предложения*].

3. [*инф* *Отказываться от этого предложения*] – *неразумно*_{PRED}.

Четкое разграничение экспериенциальных и неэкспериенциальных употреблений предикативов ДПС при внешне выраженном дат. п. не всегда возможно в силу того, что для стандартных предикативов ДПС автореферентное употребление является приоритетным контекстом. Поэтому *X-у безопасно делать p* может означать как ‘X сам оценивает, что остается в безопасности при выполнении *p*’, так и ‘Y считает, что X остается в безопасности при выполнении *p*’.

4. *Мне/Васе безопаснее приезжать днем.*

При наличии ирреальных показателей вероятность неэксперенциальной интерпретации повышается, ср. (5.).

5. *Васе было бы безопаснее приехать вчера днем.*

‘У считает, что Х был бы в большей безопасности, если бы тот сделал *p*, но имело место $\sim p$.’

2.2. Вторичные предикаты состояния. Внутренние и внешние состояния

В литературном русском языке, в отличие от болгарского, нет регулярной деривации, образующей вторичные глаголы от предикативов с сохранением валентности на дат. п. Паре блг. *Лошо ми е ~ прилошава ми* (см. ниже раздел II) соответствуют аналитические употребления с фазовой связкой *стать*.

6. *Мне плохо.*

7. *Мне стало плохо.*

В разговорном русском языке имеются отдельные формы, соответствующие болгарской модели: разг. *мне поплохело (поплошало), схудшало* → лит. *мне стало хуже*. Однако эти формы, порицаемые в нормативном употреблении, все равно непродуктивны. Так, в русском языке имеется инхоативный глагол *похолодать*, который соотнесен с негативным предикативом *холодно*¹, используемым для описания среды, ср. (8.а.–б.). Однако предикатив ДПС *холодно*² не имеет парафразы **мне похолодало* даже в разговорном языке, ср. (9.а.–б.).

8. а. *На дворе стало холодно*¹_{PRED}.

б. *На дворе похолодало.*

9. а. *Мне стало холодно*²_{PRED}.

б. **Мне похолодало.*

Предикативы ДПС и русские предикативы в целом не используются в позиции вторичного сказуемого (в русской грамматической традиции – *предикативного атрибута*), см. (Zimmerling 2021a). Поэтому мы считаем целесообразным отвергнуть тезис о том, форма тв. п. в предложениях типа (10.а.) соотнесена с тем же самым предикативом *нужно*, который реализуется в предложении (10.б.). Иная точка зрения обоснована в работе (Летучий / Letuchij 2018).

10. а. *Вся*_{NOM} *счел* *нужным*_{INSTR} [_{InfP} *приехать вечером*].

б. *Васе было нужно*_{PRED} [_{InfP} *приехать вечером*].

Понятия «первичный» и «вторичный» по отношению к русским предикативам ДПС уместно применять не по отношению к их словообразовательной структуре (почти все они производны), а по отношению к их семантическому типу. Используем различие *внутренних* и *внешних* состояний, введенное Анной А. Зализняк (Зализняк / Zaliznjak 1992) для описания глагольных значений и адаптированное к неглагольным конструкциям в работах (Циммер-

линг / Zimmerling 1998; 2018b). Внутренние состояния обозначают ситуации с выделенным участником (семантическим субъектом), внешние состояния обозначают ситуации, где семантический субъект отсутствует. Дэвидсоновские состояния, с точки зрения онтологии естественного языка, каузально не обусловлены, они не концептуализуются в русском, болгарском или любом другом языке мира как следствие каких-либо процессов и действий. Внутренние состояния не допускают экстенциональной квантификации (X -у может быть *холодно* или *скучно* в той же самой ситуации, где Y -у *тепло* или *интересно*, а внешние могут быть квантифицированы по параметрам локуса (пространство и время). При этом ситуация внутреннего состояния (X -у *грустно*, *стыдно*, *тоскливо*, *страшно*, *холодно*) недоступна для визуального или аудиального наблюдения извне, в то время как ситуация внешнего состояния (*На дворе темно. На улице холодно. В комнате грязно.*) наблюдаема и описывается глазами вычитываемого из контекста либо виртуального (обобщенного) наблюдателя.

Применительно к предикативам ДПС разумно принять за основу гипотезу о том, что все они или большинство из них являются внутренними состояниями (SLP_{INT}), поскольку способность выражать таксономическое значение внутреннего состояния является в русском языке нетривиальным свойством, по преимуществу ассоциированным с продуктивными моделями предложений $N_{DAT} - AUX - PRED$ и $N_{NOM} - AUX - PRED$, где элементы, не удовлетворяющие морфосинтаксическим критериям предикатива (отсутствие падежа, согласования и параллельных употреблений в непредикативной позиции) выступать не могут. Однако те же предикативы ДПС обычно могут выражать и значение внешнего состояния (SLP_{EXT}) и в контекстах без внешне выраженного дат. п. лица. Переход от внутреннего состояния к внешнему ($SL_{PINT} \rightarrow SL_{PEXT}$) при предикативе ДПС *тоскливо* ‘ X испытывает тоску’ иллюстрируют примеры (11.) и (12.), запись \emptyset^{SE} ‘невыраженный субъект оценки’ указывает на позицию обобщенного наблюдателя.

11. После отъезда дочери $Vase_{DAT}$ стало *тоскливо*_{PRED} (SLP_{INT}).

12. После отъезда *Васиной* дочери в доме стало \emptyset^{SE} *тоскливо*_{PRED} (SLP_{EXT}).

В контексте предложения (12.) оставшиеся в доме люди могли испытывать тоску, но предложение непосредственно сообщает не об их переживаниях, а о том, что любой, кто *мог* оказаться в доме в указанный период времени, испытал бы тоску. Поэтому предложения типа (12.) вполне уместны и в ситуации, где говорящий или рассказчик подставляет на место наблюдателя себя, а никого из людей в доме нет. Тем самым, *тоскливо* в предложении (12.) выступает как внешнее состояние, характеризуя свойства локуса *дом* в некоторый период времени. Такие контекстно-обусловленные вторичные употребления предикативов ДПС мы будем называть *вторичными внешними состояниями*, в отличие от первичных внешних состояний типа *солнечно*, *пыльно*, *ветрено*, *людно*, для которых контексты SLP_{EXT} являются основными или единственными.

2.3. Словообразовательная характеристика предикативов ДПС. *Н*-слова

Большая часть предикативов ДПС соотнесена с производящими основами кратких прилагательных и имеют финаль *-о* (исторически – форма им.-вин. п. ср. р. ед. ч. кратких прилагательных). Русисты, принимающие схему Л. В. Щербы и В. В. Виноградова, а также многие их оппоненты, утверждают, что формы на *-о* переходят в категорию состояния из класса наречий, ср. (Виноградов / Vinogradov 1972: 325–332). В русском языке существует большой класс наречий на *-о*, производных от кратких прилагательных, однако нет никаких доказательств того, что непредикативные употребления деадъективных форм на *-о* являются первичными или более древними, чем предикативные. Поэтому, вопреки сторонникам гипотезы о категории состояния, правомерно заключить, что классы наречий и предикативов на *-о* формируются параллельно, а для предикативов ДПС на *-о* соотносительность с основами прилагательных является более важным системным фактором, чем наличие или отсутствие коррелятивного наречия на *-о*. Впервые эта точка зрения была обоснована в XIX в. еще А. В. Поповым (Попов / Popov 1881), ср. также (Мигирин / Migirin 1970; Циммерлинг / Zimmerling 1998; 2018b; Say 2013).

13. *Васе стало грустно*_{PRED}.

14. *Вася* [_{VP} *грустно*_{ADV} *улыбнулся*].

Небольшое число предикативов ДПС утратило соотнесенность с производящей основой прилагательного, ср. *стыдно, совестно, боязно* при отсутствии или неупотребительности прилагательных [?]*стыдный*, ^{??}*совестный*, ^{*}*боязный* в современном языке, либо никогда ее не имело, ср. такие высокочастотные предикативы ДПС, как *надо, жаль, пора, нельзя*. Основы таких слов в (Циммерлинг / Zimmerling 1998; 2018ab) были названы *ситуативно-поляризованными*: имеется в виду, что основы типа *стыдн-*, *совестн-* используются в русском языке только для выражения дэвидсоновских состояний, но не для предикации постоянных или вневременных свойств, которые могут быть сопоставлены объектам. Однако в целом функционирование конструкции ДПС обеспечивается в русском языке основами другого типа, которые в указанных выше работах названы амбивалентными, ср. *грустн-*, *страшн-*, *интересн-*: имеется в виду, что от таких основ можно образовать как дэвидсоновские состояния, так и предикаты свойства. Возможность пополнения словаря ДПС новыми предикативами объясняется тем, что число амбивалентных основ на протяжении истории русского языка имеет тенденцию увеличиваться. В то же время, селективность конструкции ДПС поддерживается тем, что в любой момент существования русского языка по настоящее время в нем сохраняется третий класс производящих основ – *актантно-поляризованные*, от которых можно образовать только предикаты свойства, но не дэвидсоновские состояния или только внешние состояния, но не внутренние, ср. основы *пыльн-*, *людн-*, *ветрен-* и т. п.

Несмотря на отмеченные в начале XX в. А. М. Пешковским тенденции к вытеснению кратких прилагательных в некоторых контекстах полными (Пешковский / Peshkovskij 1928: 264) и тот факт, что краткие прилагательные возможны в единственной позиции – формах им. п. в составе сказуемого, в целом категория краткого прилагательного в литературном русском языке стабильна. Поэтому делить предикативы ДПС с финалью *-о* на разные лексико-синтаксические типы, например, краткие прилагательные vs. наречия или слова категории состояния с экспериенциальной семантикой, ср. *Х-у холодно, страшно*, vs. краткие прилагательные с опущенным опорным словом и сентенциальной валентностью, ср. *(мне) стало ясно, что поезд опаздывает*, для русского языка мы считаем ненужным: любое такое разделение вносит элемент произвольности. Для других языков, где морфосинтаксические условия реализации предикативов, наречий и прилагательных отличаются от ситуации в русском языке, вполне оправданы иные решения.

Технически важно отличать предикативы ДПС на *-о* от омонимичных им кратких прилагательных ср. р. ед. ч. Подчеркнем, что речь идет не о классификации самих предикативов ДПС, а о разрешении морфологической и синтаксической неоднозначности. В некоторых случаях эта задача тривиальна, ср. (15.) и (16.). В других случаях требуется внимание аннотатора, поскольку краткое прилагательное на *-о*, ср. *нужно*_{ADJ}, может допускать конструкцию ДНС с подлежащим в им. п. при внешне выраженной позиции дат. п. лица, а внешняя вершина может находиться за пределами клаузы с прилагательным, см. (17.).

15. *Васе*_{DAT} *нужно*_{PRED} *сходить в аптеку*. (ДПС)

16. *Васе* *нужно*_{ADJ.NOM.SG.N} *время*_{NOM.SG.N} *чтобы решить эту задачу*. (ДНС)

17. *Провизорша продала Васе*_{DAT} [_{WH} *что ему*_{DAT} *было нужно*_{ADJ.SG.N}].

‘Х продал Y-у тот предмет, который Васе был нужен.’ (ДНС)

Среди форм, которые обсуждались в связи с русской конструкцией ДПС, есть особый класс выражений, впервые отмеченных А. М. Пешковским (Пешковский / Peshkovskij 1928: 418) – отрицательные предикативные местоимения с ударным *не-*: *негде, некуда, некого, нечего, не с кем, не о чем* и т. п. Такие слова реализуются при связке, имеют обязательную валентность на инфинитив и факультативную валентность на дат. п., задавая особую идиосинкратическую модель предложения $N_{DAT} - AUX - NEG-W - INF$ (Шведова / Shvedova 1982: 346). Будем далее называть такие элементы *н-словами* (*neg-words*), а вложенные в них вопросительно-относительные местоимения типа *где, куда, кого, с кем, о чем* – *к-словами*.

18. *Некого*_{NEG-W} *винить*_{INF} *в кризисе*.

19. *Мне*_{DAT} *негде*_{NEG-W} *было*_{AUX.FUT.3SG.N} *спать*_{INF}.

20. *Нам*_{DAT} *не о чем*_{NEG-W} *будет*_{AUX.FUT.3SG} *спорить*_{INF}.

В русистике существуют две традиции описания *n*-слов – как предикативов ДПС (Veugens 1979; Циммерлинг 2018a, b) и как аналогов предложений (Rapaport 1986; Апресян, Иомдин / Apresyan, Iomdin 1989/2010; Babby 2000; Kondrashova, Šimík 2013). Попытка объединить элементы двух этих подходов предпринята в работе (Zimmerling 2022). Анализ *n*-слов как свернутых предложений подкрепляется двумя аргументами – 1) соотносительностью с утвердительными предложениями, где появляется операторное слово *есть*, 2) падежная форма аргументного *к*-слова предсказывается моделью управления глагола, так, *винить* в (18.) управляет вин. п., а *спорить* в (20.) – предл. п.

21. *Есть кого*_{ACC} *винить*_{INF} *в кризисе*.
22. *Мне*_{DAT} *было*_{AUX.FUT.3SG.N} *где спать*_{INF}.
23. *Нам*_{DAT} *будет*_{AUX.FUT.3SG} *не о чем*_{NEG-W} *спорить*_{INF}.

Предложения (18.)–(20.) и их неотрицательные корреляты (21.)–(23.) выражают значение модально-экзистенциальной квантификации – ‘нет такого *x*, чтобы с ним можно было сделать *p*’ ~ ‘есть такой *x*, с которым можно делать *p*’. Ровно такой оттенок значения предикативам ДПС, не являющимся *n*-словами, не присущ. Вместе с тем, сам таксономический тип модальности – алетическая (внешняя) модальность *внешней невозможности* – ‘внешние обстоятельства не дают осуществить *p*’ покрывается употреблением конструкции ДПС, ср. такие модальные предикативы, как *надо*, *нельзя*, *можно*, *необходимо*, которые, однако, помимо алетических, могут выражать и другие модальные значения. К тому же, все *n*-слова обозначают локализованные во времени и пространстве ситуации, т. е. являются дэвидсоновскими состояниями. Поскольку они предполагают выделенного участника (модального субъекта), они также должны быть признаны внутренними состояниями (SLP_{INT}). По совокупности этих факторов *n*-слова были включены в (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 248) в словарь русской конструкции ДПС.

В болгарском языке *n*-слова отсутствуют, так как *к*-слова не образуют морфологической единицы вместе с отрицанием. Следует иметь в виду, что русское *n*-слово можно рассматривать как аналог предложения, но не как аналог синтаксической группы, поскольку *n*-слова могут инкорпорировать только *к*-слова, а не группу *к*-слова (*wh*-phrase), ср. (24.) и (25.).

24. *Не с кем*_{NEG-W} *из девочек было*_{AUX.FUT.3SG.N} *разговаривать*_{INF}.
25. **Не с какой девочкой было*_{AUX.FUT.3SG.N} *разговаривать*.

2.4. Сочетания и синтаксические идиомы в позиции предикатива

Кроме однословных предикативов и *n*-слов, русская конструкция ДПС включает некоторое количество идиом, которые в деривационной перспективе являются застывшими синтаксическими группами (обычно – предложными),

ср. *X-у не по себе / не по душе / все равно / так и надо* и т. п. Часть подобных элементов пишется слитно: *впору, невдомек*. Идиомой можно считать также употребление фразеологически связанного инфинитива в позиции PRED в контексте *X-у ПЛЕВАТЬ/НАПЛЕВАТЬ на Y-а / на то, что p* (грубое выражение безразличия или пренебрежения к *Y-у* или к фактору *p*), поскольку в данном случае речь должна идти не о конкретной лексеме, а о семантической переменной 'ГЛАГОЛ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОТПРАВЛЕНИЯ', на место которой можно подставлять разные слова, в том числе – находящиеся за рамками литературного русского языка.

Идиома *так и надо* 'X заслужил свою участь' интересна тем, что она включает элемент *надо*, который сам по себе является предикативом ДПС. Другим любопытным свойством этой идиомы является то, что она соотносена с особым порядком слов и благоприятствует вставке слабоударных субъектных местоимений в дат. п. Размещение их слева и справа от *так и надо* возможно, но реализуется реже (Циммерлинг / Zimmerling 2018с: 169), ср. (26.а.–в.).

26. а. *Так тебе и надо.*

б. *Так и надо тебе.*

в. *?Тебе так и надо.*

3. Классы предикативов и онтология конструкции ДПС

Разбиение предикативов ДПС на семантические классы может быть непротиворечиво произведено на основе двух посылок, обсуждавшихся выше в разделе 2., в противном случае возникает концептуальная неясность, какое именно содержание вкладывается в термин 'предикатив ДПС':

(iii) Валентность на дат. п. лица является словарным свойством предикатива ДПС.

(iv) Все предикативы ДПС являются дэвидсоновскими состояниями.

С учетом того, что конструкция ДПС продуктивна, а предикативы имеют неодинаковую частотность, возможны пограничные случаи, поэтому правомерно выдвинуть еще одно требование методологического плана.

(v) В каждом выделяемом тематическом классе должны быть элементы, удовлетворяющие критериям (iii) и (iv), а прочие элементы, добавляемые в данный класс, образуют с ними квазисинонимические отношения.

Эмпирическое обоснование критерия (v) состоит в том, что число предикативов ДПС, используемых в разных регистрах русского языка, превышает число четко различающихся лексических единиц, возможных в данном контексте.

Если существует общее значение m , реализуемое на множестве предикативов $\{a_1, a_2, a_3 \dots a_n\}$, говорящий X может без ущерба для коммуникации выразить значение m при помощи a_1 , Y – при помощи a_2 , Z – a_3 . Именно такое состояние наблюдается в корпусах текстов и фиксируется социалингвистическим экспериментом. Если единицы в рядах *мне мерзко, мерзотно, мерзопакостно; мне отвратно, отвратительно; мне беспокойно, беспокойно; мне некомфортно, дискомфортно* действительно являются квазисинонимами, следует ожидать, что X по более или менее случайным причинам (например, прецедентное употребление в семье или в кругу знакомых) выберет варианты *мерзко, отвратно, беспокойно* и *дискомфортно*, а Y по аналогичным причинам выберет варианты *мерзопакостно, отвратительно, беспокойно* и *дискомфортно*, но трудно ожидать, что большинство носителей русского языка будет пользоваться полным набором взаимозаменяемых предикативов ДПС (Ivanova, Zimmerling 2019; Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 248–253).

Интуитивно ясно, что при описании большого класса слов с общей синтактикой по возможности следует избегать введения тематических классов, включающих 1–2 элемента. Однако формализовать эту интуицию трудно.

3.1. Семантические ограничения на образование предикативов и структуры, омонимичные ДПС

Имеется три основных ограничения на образование предикативов ДПС – неодушевленность аргумента в дат. п., его активность и запрет на интенционализацию внешних состояний.

Первое ограничение как будто нарушается в некоторых предложениях с предикативом *надо*, см. (27.а.), однако в данном случае реализуется не конструкция ДПС – диагностического значения дэвидсоновского состояния пример (27.а.) вообще не выражает, нарушая критерий (iv), – а омонимичная ей структура с подъемом аргумента инфинитива в главную клаузу (Циммерлинг / Zimmerling 2018a; 2020b), ср. синонимичное финитное предложение (27.б.). Одновременно реализоваться одушевленный и неодушевленный субъект в дат. п. в структуре с подъемом аргумента не может, ср. запрет на (27.в.).

27. а. *Пирог_{DAT} надо_{PRED} [инф остыть пирогу]*

б. *Надо_{CP} [чтобы пирог остыл].*

в. **Мне надо остыть пирогу.*

Вложенные предложения ДИС являются в современном русском языке редкостью, однако они возможны и при *n*-словах, ср. (28.а.).

28. а. *Негде_{NEG-W} остывать пирогу_{DAT}*

б. **Мне негде остыть пирогу.*

Ограничение на активность субъекта блокирует примеры типа **мне гневно / сердито*. Основы *гневно-*, *сердито-* являются актантно-поляризованными, поэтому сочетания типа *гневный ответ*, *сердитое лицо* возможны, а предикатные употребления типа **Васе было очень сердито*, **то, как Вася ответил, было гневно*, **лишать зарплаты было сердито* – нет. Ограничение на интенционализацию внешних состояний $S_{EXT} \rightarrow S_{INT}$ носит статистический характер, иначе бы словарь ДПС не мог пополняться новыми единицами. Тем не менее, оно блокирует употребления типа **Васе было слишком людно в комнате*. Наконец, чисто оценочные слова, которые выражают вневременные оценки вида *делать р – аморально / алогично*, обычно не сочетаются с дат. п., **ему было алогично делать р → с его стороны было алогично делать р*. Таким образом, общим условием, которое нарушается во всех указанных случаях, является возможность интерпретировать лексическую единицу как дэвидсоновское состояние в контексте дат. п. лица.

3.2. Тематические классы предикативов и онтология конструкции ДПС в зеркале эксперимента

Совокупность денотативных ситуаций, где предикатив ДПС может передавать в русском языке значение внутреннего состояния, комбинируясь с одушевленным субъектом, образует онтологию конструкции ДПС. Разные классы ситуаций могут быть соотнесены с тематическими классами предикативной лексики, с поправкой на то, что при таком подходе разные значения многозначных предикативов трактуются как разные элементы. Так, употребления типа *Васе внезапно стало плохо*, на лекции '*Х* почувствовал себя плохо' и *Васе было плохо*, *жить с людьми, которые не разделяли его увлечений* '*Х* испытывал дискомфорт, находясь в окружении *У-в*' будут разведены по разным классам, если онтология конструкции включает классы «Физические ощущения» и «Общие оценки». Главной мотивацией для выделения тематических классов в рамках онтологии конструкции ДПС является корреляция между классом ситуаций и наличием некоторого множества элементов, отношения между которыми можно трактовать как квазисинонимические. Если язык содержит 1–2 элемента, каждый из которых может означать как '*Х* испытывает моральные затруднения', так и '*Х*-у неудобно нечто делать физически', постулировать разные классы не стоит. Если, однако, в русском языке имеется определенное число предикативов, которые выражают в конструкции ДПС значение '*Х* испытывает моральные затруднения' без ссылки на физическое неудобство, и наоборот, введение разных классов с разведением *неудобно*, *просить добавку* и *неудобно*, *дотягиваться до верхней полки*, уместно. Такой формат описания русской и болгарской конструкции ДПС реализован в работах (Ivanova, Zimmerling 2019; Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 249). Какие-то из предложенных решений могут быть неудачны или расходиться с лексикографической практикой, однако наиболее полные описания словника конструкции ДПС и данные о частоте употребления каждого элемента связаны именно с дан-

ной программой описания. В 2017 г. был составлен тестовый словник из 322 стимулов, поделенных на 15 тематических классов. Еще 80 стимулов, для которых изначально вероятность употребления в конструкции ДПС была сочтена более низкой, были отнесены к дополнительному списку и распределены по тем же классам. Стимулы обоих списков оценивались информантами, которые не знали о разбиении стимулов на списки: информант должен был ответить, употребляет ли он сам данный стимул, как предикатив ДПС. Результаты показали, что у большинства информантов объем активного словаря конструкции ДПС превышает 200 элементов, но наборы этих элементов неодинаковы: в зоне варьирования находятся предикативы, имеющие низкий и средний рейтинг одобрения. Тот же список из 422 стимулов был проверен на материале Национального корпуса русского языка, при этом оказалось, что высокорейтинговые предикативы ДПС обычно являются высокочастотными. Тем самым, двойной корпусный эксперимент подтвердил валидность разбиения словника конструкции ДПС на классы, организованные по принципу квазисинонимических рядов. Внутряязыковое варьирование, в основном, затрагивает те предикативы ДПС, которые не воспроизводятся говорящими в качестве готовых лексем, а выбираются по правилам семантической селекции, в плане соответствия обобщенным заданиям квазисинонимических рядов.

Таблица 1 показывает данные об объеме 15 тематических классов предикативов ДПС. Заглавными буквами выделены предикативы неадъективного происхождения. Из таб. 1 видно, что конструкция ДПС в наибольшей степени ориентирована на выражение эмоциональных состояний (КЛАСС 3, 57 стимулов основного списка), модальностей (КЛАСС 2, 44 стимула), общие оценки (КЛАСС 11, 41 стимул), физические состояния (КЛАСС 1, 27 стимулов), сенсорные и эмоциональные реакции (КЛАСС 14, 25 стимулов). Большой объем КЛАССА 15 (слова параметрического признака, 52 стимула) и высокий рейтинг одобрения большинства из них информантами расходуется с невысокой частотностью в корпусе. Это связано с тем, что говорящие без труда порождают высказывания типа *Мне было темно* и даже *Мне в ручье было по пояс*, но контексты, где такие высказывания уместны, возникают редко. Ограниченно продуктивны классы моральных оценок (КЛАСС 4, 16 стимулов) и оценок (не) релевантности (КЛАСС 12, 16 стимулов), прочие классы непродуктивны, и выделение некоторых из них частично зависит от избранной схемы описания.

Таб. 1. Тематические классы предикативов ДПС в русском языке.

	Тематические классы денотативных ситуаций	Примеры	Число стимулов осн. списка	Число стимулов доп. списка
1	Физические состояния	<i>X-у холодно, плохо,</i> <i>НЕ ПО СЕБЕ</i>	27	10

2	Модальности	<i>Х-у НАДО, неприлично, ПОРА</i>	44	5
3	Эмоциональные состояния	<i>Х-у грустно, НЕ ПО ДУШЕ</i>	57	24
4	Моральные оценки	<i>Х-у стыдно, ГРЕХ, ТАК И НАДО</i>	16	0
5	Удобство исполнения	<i>Х-у удобно, сподручно, ПО ПУТИ</i>	8	0
6	Уместность / неуместность	<i>Х-у уместно, В САМЫЙ РАЗ</i>	13	2
7	Внутренняя потребность	<i>Х-у НЕВМОГОТУ, ПОТРЕБНО</i>	7	2
8	(Не) соответствие задаче	<i>Х-у ВПОРУ, жирно, слаб'о, ЛЕНЬ</i>	11	0
9	Трудность выполнения	<i>Х-у сложно, трудно, нелегко</i>	10	4
10	(Не) желание выполнять	<i>Х-у ОХОТА, НЕОХОТА, ВЛОМ</i>	9	1
11	Общая оценка	<i>Х-у хорошо, плохо,</i>	41	7
12	(Не) релевантность	<i>Х-у важно, НАПЛЕВАТЬ</i>	16	4
13	Эффективность	<i>Х-у вредно, полезно, БЕЗ ТОЛКУ</i>	6	1
14	Сенсорные и интеллектуальные реакции	<i>Х-у видно, слышно, ясно, известно, любопытно</i>	25	12
15	Параметризуемый признак	<i>Х-у темно, велик'о, ПО ПОЯС</i>	52	8
ВСЕГО			342	80

Н-слова попадают в КЛАСС 2 (модальности). Некоторые модальные предикативы КЛАССА 2 обладают нетривиальным синтаксическим свойством, отмеченным в (Циммерлинг / Zimmerling 2018a): они могут иметь валентность на придаточное изъяснительное, но не могут вводить *что-Р* аргумент, если при них есть внешне выраженный дат. п. лица, см. (29.).

29. а. *Неприлично*, [_{CP} *что Вася опоздал*].

б. *Васе_i неприлично* [_{InfP} *PRO_i опаздывать_{INF}*].

в. **Васе_i неприлично, что он_i / Иван_j опоздал*.

3.3. Невыраженный субъект и специфика реализации значения состояния

В отличие от болгарского языка, см. М. Стаменов, раздел II ниже, в русском языке нет механизма обязательного местоименного маркирования экспе-

риенцера, как нет и грамматикализованных местоименных клитик. Возможно, поэтому различия между каноническими эксперенциальными значениями, ср. *X-у холодно, страшно, стыдно*, и сенсорно-оценочными значениями, ср. *X-у любопытно, безразлично, ясно*, на поверхностно-синтаксическом уровне выражены меньше, чем в болгарском. Позиция дат. п. лица при любом предикативе ДПС может быть опущена: важно само наличие валентности на дат. п. лица в аргументной структуре, а не ее поверхностная реализация.

При отсутствии внешне выраженного субъекта может иметь место смена семантического типа дэвидсоновского состояния $SLP_{INT} \rightarrow SLP_{EXT}$, когда позиция носителя субъекта устраняется из аргументной структуры, ср. выше пример (12.) со словом *тоскливо*. Однако такой сценарий не является единственным. Возможна реализация чисто генерического значения вневременной оценки, т.е. употребление, которое не является дэвидсоновским состоянием. Предложение (30.) порождается сдвигом $SLP_{INT} \rightarrow GENER$: утверждается, что соглашаться на уменьшение зарплаты тоскливо вне зависимости от того, в какой ситуации и с кем это происходит.

30. [_{InfP} PRO_i *Соглашаться на уменьшение зарплаты*] – \emptyset^{GENER}_k *тоскливо*.

Условием сдвига $SLP_{INT} \rightarrow GENER$ является топикализация всей группы инфинитива с помещением ее в позицию подлежащего при отсутствии материально выраженной связки *быть* в изъявительном наклонении настоящего времени. Возможен еще один сценарий – сохранение нулевым субъектом предикатива референции к конкретному носителю состояния. Это так называемый эффект вложенной клаузы, когда матричная клауза сохраняет референцию к производителю действия, выраженного вложенным инфинитивом.

31. а. *Мне_i было грустно* [_{InfP} PRO_i *уезжать с дачи*].

б. *Мне_i \emptyset_i было грустно* [_{InfP} PRO_i *уезжать с дачи*].

4. Семантико-грамматический интерфейс и конструкция ДПС

В данном разделе кратко суммируются ключевые факты о параметрах русской грамматики, релевантных для семантико-грамматического интерфейса.

4.1. Морфологический падеж, предикативы и типы предикатов

Русский является шестипадежным языком с прямым падежным маркированием аргументов. Дательный падеж может приписываться лексически – предлогами, глаголами, предикативами ДПС и именными вершинами конструкции ДНС, и нелексически: последний вариант реализуется в конструкции ДИС и иных нефинитных предикациях, где внешний аргумент (=субъект) и соотнесенный с ним плавающий квантор *одному, самому* получает дат. п. по умолчанию.

Все предикативы являются беспадежными формами, но их семантический субъект получает морфологический падеж. Маркирование семантического субъекта предикатива дат. п. отражает ориентацию на 1 л. и употребление в режиме актуального настоящего для описания состояния, переживаемого самим говорящим. Маркирование семантического субъекта предикатива им. п. при словах типа *навеселе* отражает ориентацию на 3 л. и употребление в режиме нарратива для описания состояний других лиц.

4.2. Гипотеза Пospelова и отсутствие согласовательной морфологии

Последователь Л. В. Щербы Н. С. Пospelов (Пospelов / Pospelov 1955) выдвинул гипотезу о том, что предикативы ДПС лишены не только падежа, но согласовательной морфологии. Анализ Пospelова имеет тот недостаток, что он не различает лексическое и дефолтное согласование и признает сентенциальные составляющие подлежащими предикативов, что побуждает его усматривать в предложениях типа (29.а.) и (30.) не предикатив, а омонимичное ему краткое прилагательное. Однако заявленный им подход и готовность постулировать синтаксическую омонимию для разграничения предикативов и выражений, имеющих формы падежа и согласования, продуктивны. В модифицированной форме и с учетом поправки о том, что сентенциальный актант не является лексическим контролером сказуемого, гипотеза Пospelова, по-видимому, верна.

(vi) Предикативы не используются в русском языке в синтаксических позициях, где приписывается морфологический падеж и реализуется первичное или вторичное согласование.

Ограничение (vi) непосредственно объясняет отсутствие предикативов в актантных малых клаузах, ср. *я нахожу полезным_{INSTR} сделать рассылку*, **я нахожу полезно сделать рассылку*: если бы предикатив *полезно* реально выражал значение им.-вин. п., он должен бы сочетаться с переходными глаголами типа *найти*.

4.3. Автореферентность и мне-мера

Поскольку для большинства русских предикативов ДПС автореферентное употребление в 1 л. ед. ч. настоящего времени является выделенным контекстом, позволяющим описать внутреннее состояние, переживаемое самим говорящим, их корпусную статистику удобно изучать на выборке по запросу: личное местоимение дат. п. 1 л. ед. ч. *мне* + PRED на расстоянии <-1:1>. Очищенная аннотатором или специальным алгоритмом выборка по такому запросу показывает число клауз ДПС, где личное местоимение *мне* и контактно стоящее с ним слово, которое может соответствовать лемме предикатива, соотносятся между собой как субъект и лексическая вершина одной и той же клаузы. По-

лученная метрика, называемая *мне*-мерой (Циммерлинг / Zimmerling 2020a), может использоваться для решения нескольких задач: 1) составления частотного словаря предикативов ДПС; 2) проверки гипотезы о том, что данный предикатив является автореферентной единицей, путем сличения *мне*-меры с аналогичными метриками для личных местоимений 3 л. и 2 л.; 3) установления порогового значения, при котором валентность предикатива на дат. п. лица при данной величине корпуса может считаться регулярной, т.е. выявление границ класса ДПС.

4.4. Субъект состояния и субъект оценки как компоненты значения

В русской лингвистической традиции предикаты внутреннего состояния и предикаты оценки обычно описываются как разные группы слов, ср. (Золотова / Zolotova 1982; Булыгина / Bulygina 1982; Апресян / Apresyan 1985), так, Г. А. Золотова (указ. соч.) противопоставляет ‘кате­горию состояния’ Л. В. Щербы ‘кате­гории оценки’, которая усматривается в предложениях с сентенциальным актантом типа (29.а.) и (30.). Такой подход, с одной стороны, связан со стремлением сторонников Л. В. Щербы описать категорию состояния как особую часть речи и ограничить ее несогласуемыми словами, реализующимися в однозначно односоставных предложениях, с другой, – с общей ориентацией Московской семантической школы, большинство представителей которой отвергают гипотезу Л. В. Щербы, на лексикографический подход. Возможен и альтернативный подход к значениям состояния и оценки, когда и экспериенциальный компонент (= наличие субъекта внутреннего состояния) и оценочный компонент (= наличие наблюдателя или субъекта оценки) считаются характеристиками самой ситуации, где реализуется дэвидсоновское состояние (Циммерлинг / Zimmerling 1999). Эмпирическим основанием для подобного подхода являются регулярные семантические сдвиги, которые происходят в предложениях с опущенным дат. п. лица, ср. (12.), (13.), (29.) – (31.): в разных контекстах употребления одного и того же предикатива экспериенциальный компонент значения (= наличие субъекта внутреннего состояния) может и погашаться и сохраняться при опущении внешне выраженного дат. п. лица. Поэтому постулировать лексическую омонимию предикатива состояния и прилагательного оценки для каждого подобного случая неэкономно.

4.5. Падежное маркирование одушевленного участника и статус субъекта

Семантический субъект внутреннего дэвидсоновского состояния, выражаемого предикативом ДПС, является в русском языке приоритетным актантом и может рассматриваться как неканонический аналог подлежащего. Полного сходства с синтаксическим поведением канонических подлежащих (контроль деепричастных оборотов, рефлексивизация) нет, однако имеется тест, отмечен-

ный в (Zimmerling 2009), ср. обсуждение в (Летучий / Letuchij 2014; 2018; 2022). Предикативы ДПС, кроме дат. п. лица, ср. (32.а.), могут сочетаться с двумя другими типами неканонических субъектов – сентенциальным актантом, ср. (32.б.) и эксплетивным местоимением *это*, имеющим ситуативную референцию, ср. (32.в.). Однако они не могут принимать три этих выражения одновременно, ср. (33.). Такое распределение естественно истолковать как подтверждение того, что при предикативе ДПС есть только одна позиция приоритетного актанта, которая заполняется в соответствии с некоторой иерархией неканонических актантов: если в предложении имеется второй кандидат на роль субъекта, он смещается в позицию объекта. Если имеется три кандидата на роль субъекта, деривация блокируется.

32. а. *Мне*_{DAT} приятно, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].
 б. Приятно_{PRED}, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].
 в. *Это*_{EXPL} приятно_{PRED}.
 г. *Это*_{EXPL} приятно, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].
 33. **Мне это приятно*, [_{CP} что Вася согласился участвовать в турнире].

Выражения, конкурирующие между собой за роль субъекта в структуре, где каноническое подлежащее в им. п. невозможно, называются *слабыми подлежащими* (Циммерлинг / Zimmerling 2021b: 53). Иерархия слабых подлежащих может иметь вид (vii) или (viii), в зависимости от ранжирования морфосинтаксических признаков – валентности на дат. п. лица и на сентенциальный актант.

(vii) Дат. п. лица >> сентенциальные актанты > эксплетив *это* (Zimmerling 2009; Zimmerling 2021a).

(viii) Сентенциальные актанты >> дат. п. лица > эксплетив *это* (Летучий / Letuchij 2014; 2022).

Несубъектные группы, указывающие на одушевленного участника, ср. *полезно для X-а* (Кустова / Kustova 2016), *мило со стороны X-а*, *уютно у X-а* и т. п. кодируют другую семантику и не регулируются данным ограничением. Таким образом, эффекты слабых подлежащих связаны в русском языке именно с беспредложным дат. п.

4.6. Общая характеристика макророль Субъекта состояния

С учетом широкой онтологии конструкции ДПС, покрывающей разные типы внутренних дэвидсоновских состояний, Субъект состояния (subject of state) может интерпретироваться не как элементарная семантическая роль, а как макророль, реализующаяся в разных группах лексики и разных тематических классах онтологии ДПС по-разному. Неполный список приводится ниже.

- **Субъект ощущения:** *Мне стало холодно на улице. Мне больно.*

- **Субъект переживания:** *Мне грустно. Мне радостно.*
- **Совмещенный модальный субъект:** *Мне нельзя пить* ⇒ ‘X сознает, что не должен делать *p*’. *Мне негде делать уроки* ⇒ ‘X сознает, что нет такого места L, где он может делать *p*’.
- **Совмещенный субъект моральной оценки:** *Мне неловко занимать место выбывшего участника* ⇒ ‘X сознает, что существует моральный запрет *t*, заставляющий его испытывать чувство неловкости при выполнении *p*’.
- **Совмещенный субъект общей оценки.** *Мне хорошо / плохо на даче* ⇒ ‘X оценивает свое пребывание в месте L положительно / отрицательно применительно к своему общему состоянию в период времени *t*’.
- **Совмещенный субъект утилитарной оценки.** *Мне вредно пить. Мне полезно быть на этом семинаре* ⇒ ‘X оценивает выполнение *p* как положительное или отрицательное в плане выгоды для себя’.
- **Совмещенный субъект сенсорной или интеллектуальной реакции.** *Мне плохо слышно отсюда. Мне неясно, приехал Вася или нет* ⇒ ‘X оценивает полученную им информацию в плане полноты и возможности составить ясное представление о *p*’.
- **Совмещенный субъект параметрической оценки.** *<Выключи лампу>. Мне слишком ярко* ⇒ ‘В месте L слишком ярко & X оценивает свое состояние отрицательно в плане удобства нахождения в L’.

Можно допустить, что разные типы Субъектов Состояния образуют шкалу по степени контролируемости референтной ситуации со стороны одушевленного участника. Однако конкретный вид этой шкалы должен быть предметом специального исследования.

4.7. Синтаксический контроль и заполнение позиции субъекта

Термин ‘контроль’ используется в лингвистике двояко: 1) для объяснения синтаксической связи между главной и зависимой предикацией, когда субъект главной предикации контролирует определенные характеристики синтаксиса зависимой предикации – наличие или опущение аргумента, его падеж, согласовательные свойства и т. п.) = *синтаксический контроль*, ср. (Воескх et al. 2010); 2) для объяснения различий в степени контролируемости ситуации ее участником = *семантический контроль*, ср. (Кустова / Kustova 2002; Иванова, Градинарова / Ivanova, Gradinarova 2015: 189–201, 320–322). Хотя синтаксический контроль и семантический контроль являются понятиями из разных областей исследования, в некоторых случаях при изучении полипредикатных структур приходится принимать в расчет обе группы явлений, так как семантическая интерпретация главной и зависимой клаузы может зависеть от типа синтаксического контроля.

Имеются две точки зрения на синтаксический контроль в предложениях ДПС и ДИС, где субъект маркируется дат. п. Согласно одной из них, русский язык обобщил *обязательный контроль* (obligatory control) в предложениях с субъектом в дат. п., соответственно, неканонические актанты в дат. п. и подлежащие в им. п. в структурах с вложенным инфинитивом ведут себя одинаково (Fleischer 2006; Madariaga 2011). Согласно другой точке зрения, экспериенциальные субъекты, независимо от падежной маркировки субъекта, задают в русском языке отношение *произвольного контроля* (arbitrary control): когда экспериенциальный субъект внешне выражен в матричной клаузе, он контролирует нулевой субъект вложенного инфинитива (PRO), если же он отсутствует, референция субъекта устанавливается из контекста (Герасимова / Gerasimova 2015). Применительно к предикативам ДПС больше оснований принять вторую точку зрения, поскольку референция к опущенному дат. п. лица не восстанавливается автоматически, см. примеры в разделе 3.3. выше. В то же время, полное устранение экспериенциального субъекта из аргументной структуры предиката с переходом к нулевому генерическому субъекту, как было показано выше, тоже не происходит автоматически и требует преобразования синтаксической структуры, ср. комментариев к примеру (30.). Тем самым, реконструкция невыраженного экспериенциального участника, который присутствует в аргументной структуре предикативов ДПС, определяется контекстом.

5. Заключение

Конструкция ДПС в русском языке выражает внутренние дэвидсоновские состояния. Валентность на дат. п. лица является идиосинкратическим свойством несогласумых присвязочных слов, относящихся к классу предикативов ДПС. Для большинства предикативов ДПС выделенным контекстом является автореферентное употребление в 1 л. ед. ч. в актуальном настоящем времени, когда говорящий описывает переживаемое им самим состояние. Маркировка семантического субъекта предикатива дат. п. связана со свойством автореферентности. Все русские предикативы лишены падежа и форм согласования. Семантический субъект в дат. п. лица является приоритетным актантом, наличие этой валентности в аргументной структуре предикатива является более важным фактором, чем ее поверхностная реализация. Референция к опущенному дат. п. может восстанавливаться из контекста, но возможны и другие сценарии, связанные со сменой семантического типа (переход от внутреннего дэвидсоновского состояния к внешнему) либо с развитием генерического значения, которое является вневременным.

II. ПРЕДИКАТИВИ И ДАТЕЛНОПРЕДИКАТИВНИ СТРУКТУРИ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

1. Увод: Безлично изречение с предикатив и непряко допълнение в дателен падеж

В българския език има три вида изречения – неопределенолични, обобщенолични и безлични – които се класифицират като едносъставни, т.е. при които липсва подлог в облика, в който той е налице в двусъставните изречения. При неопределеноличните и обобщеноличните изречения имплицираният субект придобива неопределен или обобщен характер, което се маркира чрез ограничения в употребата според граматично лице и число. При неопределеноличните се използва само формата на 3 л. мн. ч. на глагола. При обобщеноличните глаголът е във 2 л. ед. ч. и в 1 и 2 л. мн. ч. със значение за всички лица (Георгиев / Georgiev 1983: 84). Еднозначни са ограниченията по лице и число и при безличните изречения, където сказуемото може да бъде само в 3 л. ед. ч. Сред безличните изречения различаваме такива с глагол и с предикативна дума, а сред последните такива, които изискват задължително непряко допълнение и се именуват дателнопредикативни структури или конструкции (ДПК) (Георгиев / Georgiev 1983: 87–95). Те ще станат обект на представяне и обсъждане тук. Специфично за тях е, че функцията на подлога в двусъставното изречение, доколкото става въпрос за прояви на психиката, се поема от задължителна дателна клитика, отнасяща се до лицето, което преживява състоянието или е субект на оценката, именувана от предикатив. От тази гледна точка съчетанието между безличност, тъй както тя се кодира в 3 л. ед. ч. при сказуемото, задължителният дателен на субекта, маркиран с клитика, и използването на предикатив в комбинация със спомагателен глагол формират характерната за ДПК конфигурация, която ще стане предмет на тълкуване.

2. Преглед на конструкциите, които изискват реализацията на субект в дателен падеж в изреченски структури с предикатив

Предикативните конструкции с дателна клитика са доминиращи с оглед на възможностите за представяне на преживяващия субект (на Експериментера, т.е. на одушевления Тръпник) в косвен падеж (*Радостно ми е*) при ориентация по една или друга причина да се блокира проявата му в им. пад. като подлог (*Радостен съм*), там където това е възможно (за преглед вж. Георгиев / Georgiev 1990; Джонова / Dzhonova 2003; Петрова / Petrova 2006; Градинарова / Gradinarova 2010; Иванова / Ivanova 2016). Основните алтернативни възможности в това отношение са следните:

1. Конструкция с Тръпник, образувана с безличнопредикативна дума (прилагателно, наречие, причастие или съществително) за субективно възприятие, за физиологически мотивирано или емоционално състояние и за оценка на тази основа: *Мъчно ми е. Жал ми е. Криво ми е. Добре ми е. Зле ми е. Студено ми е. Тежко ми е (на стомаха). Лошо ми е. Самотно ми е. Чоглаво ми е. Криво ми е. Светло ми е. Тъмно ми е.*

2. Конструкция с Тръпник и производни инхоативни глаголи: *Прилошава ми (спрямо Лошо ми е). Докривява ми (спрямо Криво ми е). Призлява ми (спрямо Зле ми е).*

3. Конструкция с Тръпник и наречия или безлични глаголи за знание, мнение или умозаключение и оценка на когнитивна основа: *Известно ми е, че X. Ясно ми е, че X. Струва ми се, че X. Вярва ми се, че X.*

4. Конструкции с Тръпник, предикатив и предложна фраза с предлозите *за*, *по* и *до*: *Не ми е до теб, Не ми е за пръв път, Не ми е по сърце.*

Специфично за дателнопредикативните структури за разлика от тези с дателни предикати (глаголни форми) е това, че те не формират тематична структура за *Облагодетелстван/Ощетен* и за *Реципиент/Получател* (според класификацията на Петрова / Petrova 2006: 49). С други думи това са дателни конструкции, специализирани за изразяване на ролята на *Експериментер/Тръпник*.

2.1. Конструкция с безличнопредикативна дума за състояние

Конструкция 1. е класическата за обсъждания тип с предикатив и субект в дателен падеж, изразен с клитика. Тя е широко застъпена, често използвана и е ясно очертана тенденция да разширява обхвата на своите употреби по аналогия с вече утвърдили се образци.

При съпоставка с оглед на разликата на падежна основа между подлог в им. пад. спрямо одушевено лице в дат. пад. се вижда, че в първия случай има идентификация на субекта с психическо преживяване (*Тъжен съм*) спрямо приписване на вътрешно състояние на себе си във втория случай (*Тъжно ми е*). Съвсем не всички дателнопредикативни конструкции от 1. обаче позволяват алтернация с конструкция, в която субектът е в им. пад. Дори и при такава двойка като *Зле ми е* и *Зле съм*, където това е наглед възможно, налице имаме промяна на значението, което се приписва в съответните случаи на предикатива *зле*. В дателнопредикативната конструкция значението е „Лошо ми е“, а в номинативната конструкция се има предвид не физиологично състояние, а най-обща квалификация на състоянието на изказващия се съвсем не само по линията на физиологическо добруване, а по-скоро в обобщена житейска перспектива. И в случая на *Добре ми е* спрямо *Добре съм* може да се направи подобно по своя характер разграничение, така че безпроблемни по линията на тази алтернация изглеждат преди всичко наречни употреби, които имат за основа прилагателни

за емоционално-афективни състояния, като *Тъжно ми е – Тъжен съм, Спокойно ми е – Спокоен съм* и под.

2.2. Конструкция с Тръпник и производни инхоативни глаголи

В нашата селекция е включена и конструкция 2., която е с предикат, но е производна директно на базата на тази от 1., както се вижда от невъзможността на **Лошава ми* или **Лощее ми*, т.е. инхоативният глагол *прилошава ми* се изглежда направо от съответната безличнопредикативна дума *лошо (ми е)*.

2.3. Конструкция с наречия или безлични глаголи за знание, мнение или умозаключение

Характерно за конструкция 3. е, че при нея се използват на равни начала наречия с предикативна функция и безлични глаголи, т. е. и тя е хибридна, но не на словообразователна основа, както тази от 2.2., а с оглед на граматичен клас. Тя изразява знание, мнение, умозаключение и под., което стъпва на базата на информация, която подлежи на формулировка като подчинено подложно *че*-изречение. Тази конструкция е също широко застъпена и съществено допълва палитрата от предикации, които могат да се отнесат към дателен субект: *Ясно ми е, че истината няма да излезе наяве. Известно ми е, че Атанас е мошеник* (ср. Джонова / Dzhonova 2021).

2.4. Конструкции с предложни фрази

Налице са и конструкции с Тръпник и с предикатив предложна фраза с предлозите *за* и *до*, както това е при *Не ми е за гъбите, Не ми е до теб*. Те са референциално ориентирани и именуваат Стимула на съответното преживяване, неговата Причина или неговия Обект. Атанасов / Atanasov (2015: 51) отбелязва възможността за такива конструкции, но изтъква, че те са редки и се употребяват само под отрицание. Някои от тях обаче влизат често в употреба, както това проличава от справка в БНК / ВНК в облици със структура *Не ми е за X* (ср. *Не ми е за пръв път* или *Не ми е за парите*). Последният израз търпи разширение с комплемент подчинено подложно изречение: *Не ми е за пръв път да виждам агент с оръжие*. Справка в същия корпус показва разпространена употреба на *Не ми е до X*, което навежда на мисълта, че става въпрос за израз, който клони към идиоматизация (ср. Тодорова / Todorova 2022).

Възможен е и облик с предлога *по* в конструкцията *Не ми е по X*, както е в *Не ми е по душа, Не ви е по сърце, Не му е по джоба, Не ти е по вкуса*. Тази конструкция се специализира за изразяване на оценка по критерий, който се маркира с помощта на РР *по X*.

За всички разглеждани тук конструкции освен известната степен на фразеологизация⁶, която констатираме в най-еднозначен вид при ДПК с предложната фраза с предлога *по*, характерно е, че те се употребяват предимно в отрицателна форма.

3. Класове предикативи и тематична структура на ДПК

3.1. Формална и семантична характеристика на предикативите

При ДПК имаме разнородни по своя характер възможности за заемане на позицията на предикатив както с оглед на принадлежност според граматичен клас (част на речта), така и с оглед на семантичните му особености. Според формалната принадлежност по линията на части на речта имаме налице пет различни алтернативи:

- а) съществително: *жал ми е, време ми е*;⁷
- б) прилагателно: *тъжно ми е, радостно ми е*;
- в) наречие: *рано ми е, болно ми е*;
- г) минало страдателно причастие: *?уморено ми е; ?измъчено ми е*;
- д) минало деятелно причастие: *докривяло ми е, премаляло ми е, домиляло ми е, писнало ми е, ?недоспало ми е*.⁸

⁶ Алтернативно като конструкции (в тесния смисъл според Fillmore et al. 1988) в граматиката на конструкциите.

⁷ Следва да се отбележи, че повече съществителни в позицията на предикативи контролират клитика във вин. пад, като *Срам ме е, Страх ме е*. Други въобще не отварят позиция за клитика, като *Лъжа е, Истина е, Срамота е, Грехота е*.

⁸ М. Джонова (лична ком.) посочва, че в някои поне от приведените случаи имаме форма на глаголите за перфект – *Писна ми да го слушам – Писнало ми е да го слушам, Омръзна ми да го слушам – Омръзнало ми е да го слушам*. И в аорист лицето е в дателен падеж, а и не само в аорист – *Някой ден ще ти писне да го слушаш*. Перфектната форма, за която говорим, се идентифицира като перфект за констатация, т.е. акцентът е върху резултата, а не върху това, че субектът е участник в ситуацията и свидетел.

В Правописния речник на глагола в българския език (<https://slovoed.com/search/pravoripisen-technik/>) формата *домиляло*, например, се разпознава като мин. св. деят. прич., ед. ч., ср. р., а *домилял* като мин. св. деят. прич., ед. ч., м. р., т. е. като членове на една и съща граматична парадигма. Само че *Домиляло ми е за теб* няма алтернативна форма с *домилял* или *домиляла*, тъй като *Домилял съм на теб* няма същата синтактична и семантична структура, а **Домилял съм за теб* не е граматично добре оформен. Подобно е положението и при *Докривяло ми е* и *Премаляло ми е*, така че имаме основания да твърдим, че налице в такива случаи е специализация като предикатив на формата на -о на съответните причастия, който контролира конструкция с Тръпник и Обект.

Употреби на минали страдателни и деятелни причастия са възможни в ограничени или маргинални случаи. Примери като *?Уморено ми е* и *?Недоспало ми е* (за разлика от *Докривяло ми е*) не се разглеждат като приемливи с оглед на книжовната норма (спрямо *Уморен съм* и *Недоспал съм*), но се откриват в образци от разговорния език. Тези с минало страдателно причастие очевидно се конструират по аналогия с възможността за алтернация между *Радостен съм* и *Радостно ми е*. Оценката на степента на тяхната (не)приемливост и склонността да бъдат употребени в собствената реч варира при различни носители на езика. Налице в съвременния разговорен език, както изглежда, е тенденция за включване в употреба на минали причастни форми в предикативна позиция, когато става въпрос за именуване на психически преживявания, при което изпъква резултативният им характер (ефект с натрупване от пребиваването в дадено състояние, т.е. например от уморяването; наличието на този ефект проличава от възможността състоянието да бъде модифицирано според количествен признак – *Малко/много/доста съм уморен*). Ср. *„Добър вечер, аз съм Дора. Уморено ми е тази вечер. Уморено ми е и доволно“*⁹; *„Днес ми е студено и недоспало“*¹⁰. При формите с минало деятелно причастие налице са и образци, които са напълно приемливи, като *Домиляло ми е*, *Писнало ми е*.

При употребата на прилагателни като предикативи налице са известни разногласия доколкото в случая става въпрос за същински прилагателни или за производни на тях наречия за начин и предикативни думи. Тук като критерий за тяхно разграничаване следва да се приеме възможността дадено прилагателно да се използва в същото значение с атрибутивна, адвербиална и предикативна функция, както това е в:

1. *Той тъжно погледна към вратата.*
2. *Той е (стана, се превърна в) тъжен символ на народовластието.*
3. *Тъжно му е.*
4. *Тъжно е.*

При наличието на подобна възможност няма пречки да се твърди, че става въпрос за една и съща дума, която изпълнява адвербиална, т.е. като адюнкти или модификатори, (1.), атрибутивна (2.) и предикативна (3. и 4.) функция. В други случаи обаче значенията могат да се разминават, както това е например в:

5. *Григор хубаво се усмихна.*
6. *Анастасия е хубава.*
7. *Хубаво ми е на море.*
8. *Хубаво е да си на море.*

⁹ <<https://www.psihologdobreva.com/група-нарцис/>> [18.02.2022 г.]

¹⁰ <<https://www.instagram.com/p/BvrnXstpgFx/?hl=bg>> [18.02.2022 г.]

Тук имаме основания да разглеждаме предикатива в безличните конструкции в (7.) и (8.) като форма на -о, която с оглед на атрибуцията си според части на речта е най-близо до наречие и така обикновено се класифицира. Значението на *хубаво* тук е на оценъчна основа за нещо, което ти харесва. В (5.) имаме адвербиална употреба на наречие със значение за „лицеприятен“, а в (6.) – като прилагателно със значение на „красив“.

В тази посока е и мнението на Георгиев / Georgiev (1999: 230), който обръща внимание на характера на предикативите с оглед на тяхната евентуална деривация, като посочва, че те по-пряко се свързват с оглед на своето образуване с наречията. Според него би било погрешно да се смята, че в повечето случаи семантичната деривация е успоредна, т.е. от прилагателно име в ср. р. се образуват успоредно наречия и предикативи. По-подходящо би било тълкуването, според което наречието представлява преходен етап при преминаване от прилагателно име към предикатив. При все това налице е и директна деривация на предикативи от прилагателни, а така също от причастия, като *разтребено е* или *заслужено е* (цит. съч.).¹¹ Следва обаче да се отбележи, че този тип причастия твърде трудно, ако въобще, могат да намерят място в дателнопредикативни структури, които именуват вътрешни преживявания, както би било в случаи като *?Измъчено ми е едно такова* в отговор на въпроса *Как си?*

Специфичен проблем представлява на този фон възможността в ДПК да се използват предикативи, които именуват свойства/качества за сметка на състояния и оценки. Като тест за разграничението между тези, които именуват свойство спрямо състояние, може отново да се използва възможността за употреба на адвербиална в (9.а.), предикативна (9.б.) и атрибутивна в (9.в.) позиция:

9.а. *Христо отмъстително се усмихна.*

б. **На Христо му е отмъстително.*

в. *Отмъстителният Христо.*

Става очевидно, че значението на *отмъстителен* в (9.а.) именува поведенчески акт, в (9.б.) би трябвало да именува вътрешно състояние, но това се оказва невъзможно, а в (9.в.) – качество на субекта. Различните семантични групи предикативи на базата на прилагателни и наречия позволяват различни дистрибуции от приемливи употреби в това отношение.

Подялбата на предикативите на такива, които именуват състояния спрямо свойства/качества, има отношение към ДПК, доколкото те се специализират за изразяване на физиологически и емоционални състояния и на оценки от различно естество. Предикативите за качества, например **Подло ми е*, **Арогант-*

¹¹ Друга възможност за тълкуване на изрази като *разтребено е* те да се идентифицират като глаголни форми, образувани от минало страдателно причастие в ср. р. ед. ч. и форма на спомагателния залог в 3 л. ед. ч. (Иванова / Ivanova 1983: 255), т.е. конструкцията да се разглежда като безличен вариант на страдателния залог.

но ми е, *Безразсъдно ми е, *Умно ми е, са неприемливи в ДПК на български език поради тази причина.

Подходящо е да се изтъкне и една особеност, що се отнася по-специално до предикативите на субстантивна основа. Някои от тях се срещат с клитики и в дателен, и във винителен падеж, както това е например при *грижа ми е* и *грижа ме е*. От проверка в БНК / BNK проличава, че те често се употребяват в сходни контексти, но тестът за взаимна заменяемост показва, че в начина им на използване има съществени разлики в структурно и съдържателно отношение:

10. а. *Грижа ме е за съдбата на душата ти.*
- б. *Грижа ми е съдбата на душата ти.*
- в. *Не ме е грижа за съдбата на душата ти.*
- г. *?Не ми е грижа съдбата на душата ти.*
- д. *Съдбата на душата ти не ми е грижа.*
- е. **Съдбата на душата ти не е грижа.*

В (10.а.) имаме конструкция с винителна клитика и с непряко допълнение за Обект. (10.б.) е двусъставно изречение, в което ролята на подлог заема Обектът на емоционалната ангажираност на изказващия се. В (10.в.) имаме конструкцията от (10.а.) под отрицание. Що се отнася до (10.г.), в БНК / BNK се открива случай, където изразът с клитика в дат. пад. е налице: *Това, че работя с псевдоним, не ми е грижа*, който обаче е единствен по рода си.¹² В приведения пример имаме изречение с подлог (*Това*), а подчиненото изречение е подчинено определително към него. В самото (10.г.) подлог е именната фраза *съдбата*

¹² М. Джонова (лична ком.) посочва, че в (10.б.) и в последния пример имаме налице не лично, а притежателно местоимение в неговата къса форма. (10.б.) действително може да се тълкува по два начина – или като *Съдбата на душата ти е/представлява грижа за мен*, или като *Съдбата на душата ти е/?представлява моя грижа*, т.е. имаме двузначност на конструкцията с клитика в дат. пад., като предпочитаното тълкуване според нас е първото. Що се отнася до *Това, че работя с псевдоним, не ми е грижа*, то подлежи на парафраза по-скоро като *Това, че работя с псевдоним, не е/?представлява моя грижа*, отколкото с *?Това, че работя с псевдоним не е/представлява грижа за мен*. Ако сравним *Грижа ми е съдбата на душата ти* от (10.б.) с неговата отрицателна форма в (10.д.) отново се вижда, че за предпочитане е не тълкуването с притежателно местоимение, както това е в *Съдбата на душата ти не е моя грижа/ангажимент/работа*, а по-скоро с лично местоимение в дат. пад. *Съдбата на душата ти не е/представлява грижа/проблем/обект на безпокойство за мен*.

За съпоставка стандартният израз, регистриран в тълковните и фразеологичните речници, е с клитика не в дат. пад., а във вин. пад. на личното местоимение *Грижа ме е / Не ме е грижа / Мен ме е грижа*. Значението му се тълкува в РБЕ / RBE (1977–) като „(не се) интересувам (се) от някого или от нещо“. При все това *Не ми е грижа* и *Грижа ми е* не се възприемат като девиантни, а като алтернативни.

на душата ти. Поради тази причина словоредно за предпочитание е подлогът да заеме предна позиция в изречението, така както това е в (10.д.). При все това вариантът в (10.е.) без дателно допълнение е неприемлив, което показва, че функцията му не може да бъде компенсирана от наличието на подлог в им.пад., доколкото налице е конструкция със структурата *X не ми е грижа* с по-рядко употребяван вариант без отрицание (*X ми е грижа*).

3.2. Семантични групи предикативи и тематична структура на ДПК

По отношение на дистрибуцията на семантична основа на предикативите, които се използват в ДПК, са били предлагани различни класификации, като например тази на Русинов / Rusinov (1983), която се отнася по-специално до разпределението на предикативните наречия:

а) състояния на природата и заобикалящата ни среда: *студено, топло, тихо, горещо, влажно, тъмно, спокойно, уютно, тясно, душно* и др.;

б) физическо и психическо състояние на човека: *добре, зле, криво, досадно, мъчно, тежко, противно, обидно, опасно, смешно* и др.;

в) оценка на състоянието от моралноетична или емоционална страна: *жал, мило, драго, грешно, жарко, весело, еня, приятно* и др.;

г) интелектуално състояние или състояние с модална окраска: *чудно, нужно, странно, необходимо, лошо, хубаво, жално*;

д) оценка на някакво състояние или положение: *рано, късно, далеко, близо* и т. н. (Русинов / Rusinov 1983: 400–401).

Характерно за това разпределение е акцентът върху предикативите за оценка – на състояние или положение, на емоционална, морално-етична и интелектуална основа.

Значително по-детайлна е класификацията на Петрова / Petrova (2020), според която имаме две основни групи предикативи от гледна точка на изразяваните от тях значения – за вътрешно състояние и за субективна оценка:

- за вътрешно състояние с две основни разновидности – на физиологическа (екстероцептивна при директен контакт, интероцептивна или амбиентна) основа и психично:

- с физиологично мотивирано състояние са свързани:

- усещания за жизнения тонус (*лошо ми е, добре ми е*),

- вкусови и тактилни усещания (*горчиво ми е, влажно ми е*),

- усещания за наличие или липса на органични потребности (*жадно ми е, сито ми е*),

- усещания за дискомфорт, локализирани в определени части на тялото (*тежко ми е / гадно ми е на стомаха*),

- субективни усещания и възприятия във връзка със състоянието на околната среда (*студено ми е, тъмно ми е, задушно ми е*) и др.;

○ за психично състояние, което се свързва с широка сфера на вътрешни преживявания, като емоции, нагласи и настроения (*весело ми е, приятно ми е, спокойно ми е, готино ми е, тъжно ми е, скучно ми е, тревожно ми е, нервно ми е, напрегнато ми е, притеснено ми е, тъпо ми е, горчиво ми е от думите му, тежко ми е на душата* и др.);

● за субективна оценка, основана на впечатления, потребности, интереси, на лично мнение и преценка. Оценката има различни параметри – от неутрално (рационално) до експресивно маркирано (емоционално) отношение на говорещия (напр. *необяснимо ми е, неприятно ми е* и др.) (Петрова / Petrova 2020, 102–104).

От разпределението на вътрешните състояния на физиологическа основа се вижда, че доминантни са тези от тях, които са мотивирани от процеси в организма на интероцептивна основа, но също така и такива при екстероцепция при директен контакт със стимул, както и за амбиентен контакт с околната среда. Основното разграничение е между психическо състояние и субективна оценка. При състоянията се прави разлика между физиологически мотивираните и тези на емоционално-афективна основа.

Според анализ на Джонова / Dzhonova (2022), която представя в синтезиран вид резултати, получени от нея от предишни изследвания, аргументната структура на конструкциите с предикати и предикативи със субект Тръпник се формира с оглед на семантиката на предикативната дума. Основните групи предикативи, които тя тълкува на базата на тяхното съдържание и корелативната възможност за проява на тематична структура, се разпределят по следния начин:

● предикативи за физиологично мотивирано състояние, които обикновено имат само един аргумент в облика на Тръпник (*Лошо ми е*). В определени случаи към него може да се добави и Локатив (място в рамките на телесния облик): *Студено ми е на ушите, Горещо ми е на краката*;

● предикативи за емоционално състояние, които имат аргументни позиции за Тръпник и Стимул, а последният може да е комплементна клауза или РР номинализация. Към тях може да се добавя трети факултативен аргумент за Обект или на емоционалната реакция, доколкото той се разграничава от Стимула: *Тъжно ми е, че никой не ми обръща внимание, Вкиснато ми е от сутрешния изпит заради слабата оценка*;¹³

¹³ Алтернативно Стимулът може да се тълкува поне в някои случаи като Причина, както това би било например във *Втръснало/писнало ми е от всякакви приключения*. В случая *всякакви приключения* не изглежда най-подходящо да бъде изтълкувано като Стимул, който се очаква да е конкретен във всеки отделен случай, докато обобщението за разнообразни по форма и съдържание случаи, които сумарно водят до именуваното преживяване, по-скоро е подходящо да се разбира като акумулирано с натрупване причинно-следствено отношение.

- предикативи за ментално състояние, които имат три аргумента – Тръпник, Обект/Източник и Съдържание. Съдържанието може да бъде комплементна клауза или корелативна РР номинализация: *Известно ми е от новините, че вчера на нашата улица е станала катастрофа* (вж. Dzhonova 2022).

Всяка от представените класификации – на Русинов / Rusinov (1983), на Петрова / Petrova (2020) и на Джонова / Dzhonova (2022) – има своите предимства, като те взаимно се допълват. Това особено се отнася до тези на Петрова и на Джонова, доколкото първата е с оглед на разпределението по семантични групи на предикативите, а втората е на базата на разпределението им според тематични роли. Относително по-проблематична и при двете обаче остава дистрибуцията на видовете субективни оценки, доколкото те могат да бъдат не само на когнитивна, но и на емоционално-афективна основа, което подлежи на доизясняване откъм разпределение и видове (вж. също и класификацията в това отношение в Иванова / Ivanova 2018: 13).

3.3. Специфика на използването на предикативи в дателни спрямо безлични конструкции

Характерна особеност, според която можем да разграничим различни групи сред предикативите, дължим на обстоятелството, че някои от тях могат да намерят място както в дателна така и в безлична конструкция от типа на *Весело ми е спрямо Весело е*. На подобна алтернатива подлежат тези от тях, които именуват на първо място възприятия и емоции, но не и физиологическо състояние, ср. *Лошо ми е* и **Лошо е*.¹⁴ Според този начин на разграничаване се оказва, че *Криво ми е* по-скоро маркира физиологическо състояние, отколкото емоция, доколкото предикативите за емоции по правило могат да се употребяват и в дателна, и в безлична конструкция, както това е при *Весело ми е* и *Весело е*.

По отношение на възможностите предикативите от различни групи да се използват със (както е в ДПК) или без задължително непряко допълнение в облика на дателна клитика най-общо могат да се посочат следните тенденции.

Предикативите за физиологически мотивирани психически състояния практически без изключение не могат да се използват без дателна клитика – **Сито е*, **Жадно е*. Когато това изглежда възможно, налице е промяна на значението на съответния предикатив, когато се употребява със или без задължително дателно допълнение, както това е в *Лошо ми е* спрямо *Лошо е*, че *X*. В първия случай става въпрос за физиологически детерминирано психическо състояние. Във втория случай става въпрос за оценка по скалата добро-лошо.

¹⁴ *Лошо е* е приемливо, но в друго свое значение – като оценка, както е в *Лошо е*, че няма да дойдеш. При *Лошо ми е* в замяна става въпрос за физиологическо състояние, което не подлежи на генерализирана употреба, а винаги се отнася до конкретен субект на това състояние.

Емоционално-афективните състояния подлежат на генерализация по линията на налагане на тяхна своеобразна амбиентност/споделеност между повече от един преживяващи субекти по едно и също време на едно и също място: *весело е, приятно е, спокойно е, готино е, тъжно е, скучно е, тревожно е, тъпо е, напрегнато е*, но *?нервно е,?притеснено е*.

При предикативите за оценка тенденцията е в обратна посока, тъй като генеричните по своя характер оценки трудно се поддават на субективизация чрез включването им в ДПК. Дори при наглед твърде близки по съдържание думи субективизация е възможна при едни, но не и при други, както това е при *Опасно е* и *Страшно е*, сравнени с **Опасно ми е* и *Страшно ми е*. При съпоставка проличава, че вторият предикатив е на емоционално-афективна основа, докато първият представлява оценка на ситуация от поведенческа гледна точка.

Ако вземем двойката *притеснен-притеснителен*, която се противопоставя по линията на именуване на състояние-свойство (*Притеснен съм* спрямо *Притеснителен съм*), се вижда, че за разлика от **притеснено е, притеснително е* е напълно приемливо като начин да се изрази оценка за някаква ситуация: *Притеснително е, че той все още не се обажда*.

Тези от предикативите, които именуват оценки на морално-етична основа по правило не подлежат на субективизация: **Честно ми е, *Справедливо ми е*. Същото е вярно за предикативи за необходимост-вероятност: **Вероятно ми е, *Необходимо ми е*.¹⁵ Подобна е ситуацията за предикативите за достоверност-недостоверност и истинност-неистинност, като **Вярно ми е, *Истина ми е*. Различно е обаче е положението с предикативите за възможност-невъзможност, тъй като те подлежат на субективизация, но с предпочитание към отрицателната алтернатива: *Възможно ми е* и *Невъзможно ми е*.¹⁶ Субективизация в по-голяма степен е възможна при предикативите за оценка според значимост,

¹⁵ РБЕ / RBE (1977–) дава като възможност конструкцията *Необходимо ми е да замина за няколко дни в отпуска*, но тя е с подложно подчинено изречение, което е по образца *Това (не) ми е необходимо*. Подобни са налице със и без местоимение в дат. пад. като *Неотложно ми е да замина в командировка* или *Неотложно е да замина в командировка*.

Разлика може да се направи и на съдържателна основа на базата на разграничаването на обективна от субективна необходимост. Дателната клитика е неприемлива в случай на изразяване на обективна необходимост, както това е в *Необходимо (*ми) е да се построи нов мост на реката*, но може да се използва за субективна необходимост в смисъл на нужда или потребност *Необходимо ми е да се лекувам* (спрямо обективно представеното *Необходимо е да се лекувам*). При противопоставянето по линията на необходимост-вероятност става въпрос за обективна необходимост. При субективната необходимост, от своя страна, говорим за противопоставяне по линията на нужно-излишно.

¹⁶ Възможностите да използване на положителна спрямо отрицателна форма на един и същ предикатив не са едни и същи: *обяснимо е* – **обяснимо ми е* спрямо *необяснимо е* – *необяснимо ми е*.

при които редуването се реализира регулярно: *Важно (ми) е*, *Достатъчно (ми) е*, *Малко (ми) е*. Оценките на когнитивна основа в общи линии подлежат на субективизация, както е в *Интересно (ми) е*, *Глураво (ми) е* и т. н. По-изчерпателна систематична класификация на видовете оценки и на възможностите те да се използват генерично и/или субективно остава да бъде направена в бъдеще.

За отбелязване е, че за тази конструкция също са характерни лексикално-специфични ограничения във възможностите за използването ѝ, както проличава от сравнението на *Безразлично ми е* с **Безразсъдно ми е*. Както по всичко изглежда, разграничението по приемливост в това отношение е според идентификацията на съответния предикатив като такъв, който именува състояние спрямо качество на Тръпника (което вече беше обсъдено по-горе). Докато *безразличен* се тълкува като състояние, *безразсъден* е свойство на характера на съответния индивид (*Христо е безразсъден*), което може при подходящи обстоятелства да намери проява (*Христо действа безразсъдно*).

3.4. Измерения на противопологане при припознаване на референтите на предикативите за състояние и оценка

При ДПК разграничаваме няколко типа противопоставяне с оглед на референтната им насоченост, които се имплицират при тяхната употреба:

- а) партитивност-амбиентност на преживяваното състояние в рамките на телесния облик и негова проекция във външното обкръжение;
- б) екстероцептивен-интероцептивен източник на преживяваното състояние;
- в) преживяване в първо спрямо негова проекция във второ и трето лице;
- г) оценка на модална основа по линията на реалност на дадено състояние спрямо очаквания за реализация с оглед на възможност, вероятност, желателност и под., проецирани в бъдещето или миналото;
- д) субективна/егоцентрична спрямо генерична оценка и под.

Амбиентните състояния от а) са тези, които отправят към някакво преживяване, което засяга целия организъм на субекта, както това е в *Студено ми е*. Партитивни в замяна са тези, в които се посочва засегнатата част на телесния облик, например *Топло ми е на ухото*. В б) противопоставянето върви по линията на източника на това състояние – дали той се дължи на контакт с окръжаващата действителност или на вътрешен физиологически стимул (ср. *Тясно ми е спрямо Душно ми е*). Преживяването в първо лице (същинското субективно преживяване) се противопоставя на преизказаните езиково преживявания на втори и трети лица във в), за което вече стана въпрос; ср. *Студено ми е* спрямо *Студено му е*. В г) говорим за оценки по линията на време с оглед на такива предикативи като *Рано ми е* или *Късно ми е*. Спецификата на субективните спрямо генеричните оценки при д) намира реализация по граматикализиран начин в българ-

ския език с оглед на възможностите да се формират безлични изречения със или без задължително дателно допълнение, както това беше тълкувано по-горе.

Не е задължително всеки от изтъкнатите типове противопоставяне да се реализира самостоятелно. Така например можем да имаме оценка на AMBIENTНО ВЪНШНО състояние (за разлика от вътрешно) по линията на а) – в) на субективна или генерична основа. Кустова / Kustova (2022: 204) отбелязва за руски, че твърдението „едни и същи предикативи могат да описват и състояние на околната среда, и състояние на човека“ се нуждае от уточняване, доколкото в съчетание с пространство (външно спрямо вътрешно) и с лице тези предикативи придобиват различни значения: *На улице / В комнатe темно* означава ‘няма светлина или тя е малко’; *Мне темно* значи ‘аз виждам лошо и съвсем не виждам това, което искам да разгледам поради това, че няма светлина или тя е недостатъчна’. Що се отнася до български, еквивалентните изречения *На улицата / в стаята e тъмно* и *На мен ми e тъмно*, както и *Тъмно ми e* имат следните семантични структури (които според различни анализи могат да имат значение и конвенционални имплицатури в своя състав). От гледна точка на възможностите за проява на Тръпник базова е *Тъмно ми e*, доколкото от първо лице се посочва актуалността на определено субективно състояние – „липса на достатъчно светлина за преживяващия това състояние“. В случая няма или е блокирана имплицатура, която позволява генерализация на това вътрешно състояние към други Тръпници, намиращи се в същата среда по същото време, тъй като изречението *На мен ми e тъмно тук, но на него – не* е перфектно. Тук дублираното непряко допълнение (*на мен ми*) изпълнява функцията на контрастен фокус. Възможно е също за целта да се използва само дателна клитика, както това е в *Тъмно ми e, а на теб?*, където експлицитно се поставя въпросът дали дадено възприятие подлежи на верификация от друг Тръпник в същата ситуация по същото време.

За разлика от предишните две *На улицата / в стаята e тъмно* изглежда да стъпва на конвенционална имплицатура, която борави с генерализиран Тръпник, а именно „който и да погледне навън (*на улицата*) или вътре в някакво затворено или ограничено пространство (*в стаята*), ще констатира, че там (*на улицата*) или тук (*в стаята*) е тъмно, както правя това аз в този момент“. Това означава, че не само в съчетание с конкретно лице, но и с обобщено лице, което за подобни състояния не подлежи на експлицитна проява, имаме имплицирани Тръпник, а не просто състояние на външната среда (тук или там) без неин наблюдател – актуален/конкретен или, както е случая, потенциален. Доколкото генерализираният Тръпник представлява задължително условие за реализацията на условията на истинност на изречението за състояние на околната среда, бихме могли да твърдим, че в случаи като този не става въпрос в крайна сметка за конвенционална имплицатура, а за имплицирани компоненти от ролевата структура на самото изречение, т.е. на неговата семантика.

Що се отнася до използването на наречия за време с оглед на разграничението, направено в г), като *Рано ми e (да се женя)* или *Късно ми e (да започна*

да спортувам), трябва еднозначно да се има предвид, че в случая става въпрос за оценки за време с оглед на определени критерии, които Тръпникът намира за субективно значими, така че няма нищо нелогично те да бъдат включени тук поради причини, които са сходни с тези, които се привеждат за субективни оценки на външни обстоятелства на перцептивна основа, като *Тъмно ми е* или *Светло ми е*.

4. Кратки дателни форми на личните местоимения и семантико-синтактичен интерфейс в ДПК

4.1. Ориентация

В българския език в резултат на неговото историческо развитие в посока към анализъм падежната система се е запазила в остатъчен вид само при местоименията и най-вече при личните и притежателните измежду тях. Налице са два косвени падежа, като късите/клитичните форми на личните местоимения не само са живи, но и облигаторно влизат в употреба в ДПК. В тази връзка се изисква изясняване на въпроса на какво се дължи задължителността на тяхната употреба.

4.2. Нарушаване на правилото за съгласуване между подлог и сказуемо

Като основна формална специфика в ДПК се очертава ориентацията към употреба на форми на *-о* при предикативите, с което се маркира липсата на съгласуване по род и число със субекта на преживяването, зададен с дателен падеж на клитичното лично местоимение. Съчетаването на маркерите за безличност и субективност (насоченост към преживяванията на субекта) изглежда като вътрешно противоречиво и е една от най-характерните черти на ДПК. В тази ситуация дателната клитика поема основни функции за формиране на граматично и семантично приемливо изречение.

4.3. Специфика на функционирането на категорията лице

Основните съгласувателни граматични параметри в ДПК са фиксирани на 3 л. ед. ч. ср. р. (с оглед на доминантната форма на *-о* на наречията). Тяхното вариране се маркира от дателната клитика на личното местоимение. Особеното при граматичното лице е, че то изразява различни по своя характер анафорични отношения като отправка към предишна употреба – на деиктична и референциална основа. На деиктични основания добре известно е, че говорителят на актуалното изказване стъпва на триадата *аз–тук–сега* (Апресян / Apresyanyan 1986). При всяка смяна на изказващия се константна остава идентичността му с този, който взема думата в ролята на актуално в комуникативен план „аз“. Обратната страна на медала обаче е, че всеки говорещ използва това „аз“, за да отправя

винаги и само към самия себе си и в такъв смисъл всяка употреба на *аз* отправя към предишна, доколкото говорителят се припознава със самия себе си. По този именно начин се получава, че *аз* е шифтър в рамките на комуникативната ситуация (Jespersen 1922: 123; Якобсон / Jakobson 1972: 97), но едновременно с това от референциална гледна точка и ориентир и начин на въплъщение на собствената персонална идентичност за всеки говорител. Никой не използва друг начин да говори за себе си освен с помощта на формите *аз*, *ме* и *ми*, т. е. личното местоимение в първо лице ед. ч. в трите си падежни форми в българския език – за именителен, винителен и дателен.

Ако вземем предвид казаното, се получава, че личното местоимение *аз* в трите си падежни форми (пълни и клитични) изпълнява три различни функции:

- Ориентационен момент на деиктичната триада *аз-тук-сега* на говорителя: *На мен ми е весело, а на теб – тъжно*. Той отправя към актуалния говорител при всяко негово изказване в комуникативна ситуация;
- Езиков знак, който отправя като към референт към субекта на съзнанието на всеки говорител, когато той/тя мисли и общува в езикова форма: (*Аз*) *мисля за теб, Весело ми е*;
- Анафорична връзка, която свързва употреби на *аз* в рамките на дискурса (*Аз₁*) *мисля, следователно (аз₁) съществувам* (Рене Декарт), *Студено ми₁ е днес, както ми₁ беше студено вчера¹⁷*). При употреба на *аз* и неговите производни се осъществява връзка (отправка) потенциално към всички негови предишни употреби по време на дискурса. Това се отнася до всеки субект, когато той общува или мисли с помощта на езикови средства. Тази връзка поддържа идентичността на субекта със самия себе си по езикова линия.

Референциалната и анафоричната функции на личното местоимение в първо лице като езиков знак, който отправя към говорещия субект, са слабо изследвани.¹⁸ *Аз* в посочените функции се превръща в експлициран ориентир на/за перспективата на съзнанието. На тази основа би трябвало да търсим обяснение за основополагащата ориентираност към субект в първо лице в ДПК. Производна на нея е ориентираността към второ лице като това на адресат в комуника-

¹⁷ Сравни това изречение с контрастно фокусираното с оглед на смяната на субекта *Студено ми е днес, както ти беше студено на теб вчера*. Смяната на субекта е тази, която мотивира по презумпция дублиране на допълнението. Контрастният фокус проличава от обстоятелството, че въз основа на това изречение не може да се направи извод, че на субекта на *ти* му е студено и днес.

¹⁸ Подлежи на дискусия доколко употребата на *аз*, като отправя към предишна употреба от същия субект, изпълнява първично анафорична на езикова основа или кореференциална функция. Последната би трябвало да се осъществява като отправя към референт, който се разпознава като един и същ при всяка следваща поява на *аз* и неговите производни в дискурса.

тивна ситуация, която стъпва на базата на т. нар. теория на ума (*Theory of Mind*; вж. Leslie 1987). Ориентираността към трето лице е на базата на извод с оглед на поведенческите реакции на наблюдаван субект. Изтъкнатото означава, че механизмите на приписване на вътрешно състояние при трите лица се различават според начина на своето възплъщение, като основополагащо е първо лице, тъй като с оглед на него се правят екстраполациите за другите две лица.

4.4. Някои особености на референциалния потенциал на личните местоимения в ДПК с оглед на разпределението по лице

Градинарова / Gradinarova (2010: 36) твърди, че предикативите за физиологическо състояние (*гладен, сит*) не включват в своята семантика компонента „непосредствено възприемане от страна на външен наблюдател“, като привежда примера *Он голоден, но не показва това* (Той е гладен, но не го показва). Подобен може да бъде формиран и на базата на ДПК: *Гладно му е, но не го показва*. В случая обаче става въпрос за липса на поведенчески маркери само дотолкова, доколкото говорещият разполага с някакъв друг източник на информация, на базата на който той намира за възможно да изкаже подобно твърдение. Липсата на непосредствено възприемане от страна на външен наблюдател е налице не само за физиологически, но и за емоционално-афективни състояния и за оценки, т.е. за цялата сфера на субективност, доколкото страничен наблюдател няма непосредствен достъп до сферата на вътрешните преживявания на всеки друг човек освен на самия себе си. При това положение той прави изводи в трето лице за това, което преживява ближният, или по поведенчески прояви, или с оглед на някакви други индиректни източници на информация.

Друг аспект на ориентацията на предикативите за състояние, който се отнася до дистрибуцията им по лице, се отбелязва от Цимерлинг / Zimmerling (2020a: 13) във връзка с възможността някои от тях да се използват преференциално или ексклузивно за трети лица, но не в първо лице. Такава семантична група на български, както в руски, са някои предикативи, с които се описва например състоянието на алкохолна интоксикация: *Пешо е нафиркан/накъркан* или *Той е къркютук пиян* при по-малка приемливост на *?Аз съм нафиркан/накъркан/насмукан* или *??Аз съм къркютук пиян* и при пълна неприемливост на **Фиркано ми е* или **Къркютук пияно ми е*.¹⁹ Това очевидно се отнася преди всичко за предикативи, с които се свързва отрицателна конотация/оценка.

¹⁹ Следва да се отбележи, че макар тези и подобни примери да се оценяват като неприемливи, те са еднозначно разбираеми за носителя на езика. Така **Къркютук пияно ми е* ще бъде преформулирано в (по-)приемливото *Къркютук пиян съм*. Но и тук се изправяме пред въпроса доколко индивид, който е толкова пиян, както твърди, може да направи адекватна отрицателно маркирана самооценка на състоянието си. При всички положения обаче изказването с двусъставно изречение изглежда по-приемливо от едносъставното.

Тези и подобни особености на референциалния потенциал на личните местоимения в ДПК с оглед разпределението по лице подлежат на допълнителни изследвания и анализ.

4.5. Функции на категорията падеж

Маркирането с помощта на падеж е знаково за употребата на клитика в ДПК, доколкото то изразява в синкретичен вид връзките на морфологична, синтактична и семантична основа на отношенията в тези конструкции. Относителната стойност на тяхното използване нараства още повече поради факта, че системобразуващите падежни отношения са отпаднали навсякъде другаде в българската граматична система (освен при личните и притежателните местоимения).

Основните причини за поддържането на падежни форми при клитиките могат да бъдат обобщени по следния начин:

- а) те изпълняват функцията на афиксоиди от морфологична гледна точка;
- б) те кодират най-икономично от синтактична гледна точка косвеното допълнение на конструкцията в съответния падеж;
- в) те маркират субекта на състоянието или оценката откъм граматично лице, число и род;
- г) те задават на субекта облигаторната тематична роля на Тръпник в ДПК;
- д) те изпълняват референциална и анафорична и/или кореференциална функция в рамките на изречението, дискурса и/или ситуацията на употреба.²⁰

В ДПК падежната клитика *ми* е тази, която формира интерфейса между морфология и синтаксис (каквато и е основната функция на клитиките), а доколкото на падежна основа тя се съотнася и със съответната тематична роля, тя изпълнява функцията на координация между морфологично, синтактично и семантично равнище на израз на мисловното съдържание, което се има предвид.

4.6. Съдържателна характеристика на ролята на Тръпника

Реализацията на тематичната роля Тръпник има свои характерни особености в ДПК. На първо място тя може да се реализира като единствена при определени групи предикати(ви). Такива са случаите на констатация на вътреш-

²⁰ Тук се прави разлика между кореференциалната функция като такава, която отправя към един и същ референт, като така се имплицира неговата идентичност, спрямо езиковите средства за нейното изразяване във формата на анафорични отношения между езикови знаци в рамките на изказване. Може да се предположи, че кореференциалната функция се реализира по презумпция при всяка употреба на *аз* от всеки говорител и при липса на анафорични отношения в изказа.

но физиологическо състояние, като *Сито ми е*, *Студено ми е* и под. Те са и най-често срещаните, когато става въпрос за собствено преживяване, а не за такава, което се приписва на друг човек.

Доколкото Тръпникът заема мястото на главния аргумент в ДПК, той предопределя възможността за включване на аргументи и адюнкти с други семантични роли (вж. тематичната класификация в 3.2. по-горе). В тази своя функция той реализира синтактичната позиция, която понякога се именува дателен субект, формулировка която по-своему формулира парадоксалната от граматична точка ситуация непряко допълнение да изпълнява подобна функция. На тази основа и се формират няколко ДПК, които изразяват по специфичен начин на всички равнища на тяхната структура своеобразното в ролята на Тръпника като едновременно център и реципиент на субективно преживяване.

4.7. Облигаторност на дателната клитика и възможността за дублиране на непрякото допълнение

Императивът за задължителна реализация на дателната клитика изпъква най-ясно на фона на възможността за дублиране с дателно допълнение в облика на предложна фраза (РР), както е в *На Петър му е весело*, при маргиналност на алтернативата с изпускане на клитиката, както това е в *??На Петър е весело* (за обсъждане от синтактична гледна точка вж. Крапова, Cinque 2008; Harizanov 2014). Функцията на дублирането е на първо място да именува референта на дателната клитика, ако той не е еднозначно ясен от контекста и/или ситуацията. И в трите лица, но най-изявено в първото от тях, дублиране на допълнението е също възможно и с функцията на топикализация и/или на контрастен топик (11.):

11. *На мен ми е весело (а не на някой друг или на който и да е друг).*
12. *На теб ти е весело, а на мен (ми е) тъжно.*
13. *Тъжно (ми) е на мен (а не на теб или на някой друг).*
14. *На Иван му е тъжно.*
15. *На Иван е тъжно.*
16. **На мен е тъжно.*
17. **Ми е тъжно.*
18. *Мен ми е тъжно.*
19. *Иван му е тъжно.*²¹

Дублирането има подобна функция във второ лице (вж. 12.), където отново служи за поставяне на акцент върху субективния аспект на преживяването в първо

²¹ За обсъждане на спецификата на (17.) и (18.) вж. мнението на Коста, Цимерлинг / Kosta, Zimmerling (2022: 14).

и второ лице. По аналогичен начин бихме могли да твърдим, че подобно е положението и в (13.), където имаме дублиране на пълна и клитична форма на личното местоимение. За разлика от тях в (14.) функцията на дублирането е да изясни референтния статус на третоличната форма на клитиката, ако от контекста не е ясно към кой тя трябва да бъде отнесена. Впрочем при топикализирана употреба на дателното допълнение имаме налице възможност за използване на пълната форма на личното местоимение за сметка на изпускане на кратката, както това е в (15.), където клитичното *му* може при небрежна употреба да изпадне, така че изискването за задължително включване на краткото дателно ДПС търпи известни изключения. Твърде показателно е обаче, че в първо лице в (16.) подобна възможност е блокирана. Блокирана е и възможността клитиката да заеме първа позиция в изречението, т.е. да бъде използвана за целите на топикализация, както това е в (17.). И в първо (18.), и в трето (19.) лице е позволено разговорното изпускане на предлога при реализацията на дублираното дателно допълнение (вж. Тишева / Tisheva 2019).

На фона на представените примери можем да направим извод каква е мотивацията за отваряне на втора позиция за непрякото допълнение в синтактичната структура на изречението. Тя е с цел пълноценна реализация на референциалната функция на Тръпника, което иначе изглежда като очевидно излишество от формална гледна точка – да се използва за целта едновременно кратката дателна форма на личното местоимение и РР. Енклитичната форма за дат. пад. на личното местоимение се използва по презумпция, ако референтът в дадена ситуация или кореферентът в рамките на контекста е ясен. В случаите, когато референтът не е ясен, необходимо е да постави акцент върху тази позиция чрез нейна топикализация или с цел формиране на контрастен фокус, в действие влиза механизмът на дублиране на дателното допълнение.

5. Заключение

ДПК в българския език се специализират за изразяване на вътрешни състояния, емоции и оценки в първо лице и оттам на базата на екстраполация на тези на втори и трети лица. Техните особености включват оформянето им като безлични изречения и изискването за реализация на главния аргумент като Тръпник, който се кодира със задължително за реализация дателно клитично лично местоимение. Конструкциите се реализират с помощта на сказуемо, което се състои от предикатив и спомагателен глагол (*съм, стана*). Позицията на предикатив може да се заема от съществителни, прилагателни, наречия и предложни фрази. Предикативите от съдържателна гледна точка се разпределят в три основни групи – за възприятия, емоции и оценки. Тяхната семантика предопределя характера на тематичната рамка, която може да се реализира на базата на съответния предикатив. При липсата на координация между подлог и сказуемо в безличното изречение основните съгласувателни категории в него се обозначават от дателната клитика.

Тя по-най-компактен начин кодира конструктивноспецифичното съдържание на ДПК от формална и съдържателна гледна точка.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество – България – Русия 2019–2020 г., № КП-06-РУСИЯ / 23, 2020 г.).

М.С. выражает благодарность за обсуждение Раздела II Марине Джоновой и Йовке Тишевой. Возможные ошибки и недочеты остаются ответственностью автора.

Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria – Russia 2019–2020, project number КП-06-РУСИЯ / 23, 2020).

M.S. would like to thank Marina Dzhonova and Yovka Tisheva for their comments on Section II. Possible errors and omissions remain the responsibility of the author.

Цитирана литература / References

- Apresyan 1985: Апресян, Ю. Д. Синтаксические признаки лексем. – В: *Russian Linguistics*, Vol. 19, № 2/3, pp. 289–317. (Apresyan 1985: Apresyan, Yu. D. Sintaksicheskie priznaki leksem. – In: *Russian Linguistics*, Vol. 19, № 2/3, pp. 289–317.)
- Apresyan 1986: Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. – В: *Семиотика и информатика*, Т. 28, с. 5–33. (Apresyan 1986: Apresyan, Yu. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira. – In: *Semiotika i informatika*, Vol. 28, pp. 5–33.)
- Apresyan, Iomdin 1989: Апресян, Ю. Д., Л. Л. Иомдин. Конструкция типа НЕГДЕ СПАТЬ: синтаксис, семантика, лексикография. – В: *Семиотика и информатика*, № 29, с. 34–92. (Apresyan, Iomdin 1989: Apresyan, Yu. D., L. L. Iomdin. Konstruktsija tipa NEGDE SPAT': sintaksis, semantika, leksikografija. – In: *Semiotika i informatika*, № 29, s. 34–92.)
- Apresyan, Iomdin 2010: Апресян, Ю. Д., Л. Л. Иомдин. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография. – В: Апресян, Ю. Д. (ред.). *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва, с. 59–113. (Apresyan, Iomdin 2010: Apresyan, Yu. D., L. L. Iomdin. Konstruktsii tipa *negde spat'*: sintaksis, semantika, leksikografija. – In: Apresyan, Yu. D. (Ed.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovarja*. Moskva, pp. 59–113.)
- Atanasov 2015: Атанасов, А. Классификация на безличните предикати в съвременния български език. – В: *Български език*, Т. 62, № 3, с. 38–53. (Atanasov 2015: Atanasov, A. Klasifikatsiya na bezlichnite predikati v savremenniya balgarski ezik. – In: *Balgarski ezik*, Vol. 62, № 3, pp. 38–53.)
- Babby 2000: Babby, L. H. Infinitival Existential Sentences in Russian: A case of syntactic suppletion. – In: King, T. H., I. A. Sekerina (Eds.). *Formal Approaches to Slavic*

- Linguistics 8: The Philadelphia Meeting 1999*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, pp. 1–21.
- Babby 2002: Babby, L. H. Subjectlessness, External Categorization, and the Projection Principle. – In: *Journal of Slavic Linguistics*, Vol. 10, pp. 341–388.
- BNK: *Български национален корпус*. София: Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“. <<http://search.dcl.bas.bg/>> [12.07.2022] (BNK: *Balgarski natsionalen korpus*. Sofia: Institut za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”. <<http://search.dcl.bas.bg/>> [12.07.2022])
- Boeckx et al. 2010: Boeckx, C., N. Hornstein, J. Nunes. *Control as Movement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bonch-Osmolovskaja 2003: Бонч-Осмоловская, А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дис. к. ф. н. Москва: МГУ. (Bonch-Osmolovskaja 2003: Bonch-Osmolovskaja, A. A. *Konstruktsii s dativnym subjektom v russkom jazyke*. PhD. Moskva: MSU.)
- Bulygina 1982: Булыгина, Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. – В: Селиверстова, О. Н. (ред.). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 7–85. (Bulygina 1982: Bulygina, T. V. K postroeniju tipologii predikatov v russkom jazyke. – In: Seliverstova, O. N. (Ed.). *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka, s. 7–85.)
- Davidson 1980: Davidson, D. The Individuation of Events. – In: Davidson, D. (Ed.). *Essays on Actions and Events*. Oxford: Oxford University Press, pp. 163–80.
- Dzhonova 2003: Джонова, М. *Изречения със семантичната роля експериментер в съвременния български език*. Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователна степен „доктор“. София: СУ „Св. Климент Охридски“. (Dzhonova 2003: Dzhonova, M. *Izrecheniya sas semantichnata rolya na eksperientser v savremenniya balgarski ezik*. Avtoreferat na disertatsiya za prisazhdane na nauchnata i obrazovatelna stepen “doktor”. Sofia: SU “Sv. Kliment Ohridski”.)
- Dzhonova 2021: Dzhonova, M. Predicatives with Dative Experiencer. Paper presented at the *First Bulgarian-Russian online seminar of the project “Ontology of Situations of State – Linguistic Modelling”*, Sofia – Saint Petersburg – Moscow.
- Dzhonova 2022: Dzhonova, M. Stative Constructions in Bulgarian – a Syntactic Description. Paper presented at the *Conference “Grammatical Processes and Systems in Synchrony and Diachrony”*, Moscow.
- Fillmore et al. 1988: Fillmore, Ch., P. Kay, M. O’Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The case of LET ALONE. – In: *Language*, Vol. 64, № 3, pp. 501–538.
- Fleischer 2006: Fleisher, N. *Russian Dative Subjects, Case, and Control*. Ms, University of California.
- Fortuin 2005: Fortuin, E. L. J. From Necessity to Possibility: The modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian. – In: Hansen B., P. Karlik (Eds.). *Modality in Slavonic Languages. New Perspectives*. Munchen: Otto Sagner, pp. 39–60.
- Georgiev 1983: Георгиев, Ст. Едносъставни глаголни изречения. – В: *Граматика на съвременния български книжовен език*. Т. 3: *Синтаксис*. София: Издателство на БАН, с. 80–96. (Georgiev 1999: Georgiev, St. Ednosastavni glagolni izrecheniya. – In: *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik*. Т. 3: *Sintaksis*. Sofia: Izdatesltvo na BAN, pp. 80–96.)

- Georgiev 1990: Георгиев, И. С. *Безличные предложения в русском и болгарском языках*. София: Народна просвета. (Georgiev 1990: Georgiev, I. S. *Bezlichnye predlozhenija v rusском i bolgarskom jazykah*. Sofia: Narodna prosveta.)
- Georgiev 1999: Георгиев, Ст. *Морфология на българския книжовен език*. 4-о изд. Велико Търново: Абагар. (Georgiev 1999: Georgiev, St. *Morfologija na balgarskiya knizhoven ezik*. 4-o izdanie. Veliko Tarnovo: Abagar.)
- Gerasimova 2015: Герасимова, А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. – В: Лютикова, Е. А., А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции 'ТМП 2015'*. Вып. 2. Москва: МПГУ, с. 47–61. (Gerasimova 2015: Gerasimova, A. A. Litsenzirovanie otritsatel'nyh mestoimenij cherez granitsu infinitivnogo oborota v rusском jazyke. – In: Lyutikova, E. A., A. V. Zimmerling (Eds.). *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii 'TMP 2015'*. Вып. 2. Moskva: MPGU, pp. 47–61.)
- Gradinarova 2010: Градинарова, А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на -о в русском и болгарском языках. – В: *Болгарская русистика*, № 3–4, с. 34–55. (Gradinarova 2010: Gradinarova, A. Bezlichnye konstruktсии s datel'ny'm sub'ekta i predikativom na -o v rusском i bolgarskom jazykah. – In: *Bolgarskaja rusistika*, № 3–4, pp. 34–55.)
- Harizanov 2014: Harizanov, B. Clitic Doubling at the Syntax-Morphophonology Interface: A-movement and morphological merger in Bulgarian. – In: *Natural Language and Linguistic Theory*, Vol. 32, № 4, pp. 1033–1088.
- Isachenko 1955: Исаченко, А. В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках. – В: *Вопросы языкознания*, № 6, с. 48–65. (Isachenko 1955: Isachenko, A. V. O vzniknovenii i razvitii «kategorii sostojanija» v slavjanskikh jazykah. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 6, pp. 48–65.)
- Ivanova 1983: Иванова, К. Залог на глагола. – В: *Грамматика на съвременния български книжовен език*. Т. 2: *Морфология*. София: Издателство на БАН, с. 236–255. (Ivanova 1983: Ivanova, K. Zalog na glagola. – In: *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik*. Т. 2: *Morfologija*. Sofia: Izdatelstvo na BAN, pp. 236–255.)
- Ivanova 2016: Иванова, Е. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериментера в болгарском языке. – В: *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Москва: ЯСК, с. 332–368. (Ivanova 2016: Ivanova, E. Bezlichnye predlozhenija s objazatel'ny'm mestoimennym vyrazheniem eksperimentsera v bolgarskom jazyke. – In: *Arhitektura klauzy v parametriceskih modeljah: sintaksis, informatsionnaja struktura, porjadok slov*. Moscow: JASK, pp. 332–368.)
- Ivanova 2018: Иванова, Е. Дативно-предикативные структуры в болгарском языке: статистика эксперимента. – В: *Русский язык за рубежом*, № 5, с. 11–17. (Ivanova 2018: Ivanova, E. Dativno-predikativnye struktury v bolgarskom jazyke: statistika eksperimenta. – In: *Russkij jazyk za rubezhom*, № 5, pp. 11–17.)
- Ivanova, Gradinarova 2015: Иванова, Е. Ю., А. А. Градинарова. *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*. Москва: Языки славянской культуры. (Ivanova, Gradinarova 2015: Ivanova, E. Yu., A. A. Gradinarova. *Sintaksicheskaja sistema bolgarskogo jazyka na fone russkogo*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury.)

- Ivanova, Zimmerling 2019: Ivanova, E., A. Zimmerling. Shared by All Speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian. – In: *Bulgarian Language and Literature*, № LXI, vol. 4, pp. 353–363.
- Jakobson 1972: Якобсон, Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. – В: *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва: Наука, с. 95–113. (Jakobson 1972: Jakobson, R. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol. – In: *Printsipy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja*. Moskva: Nauka, pp. 95–113.)
- Jespersen 1922: Jespersen, O. *Language, Its Nature, Development, and Origin*. London: Allen & Unwin.
- Kondrashova, Šimik 2013: Kondrashova, N., R. Šimik. Quantificational Properties of neg-wh Items in Russian. – In: *NELS 40: Proceedings of the 40th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA: GLSA Publications, pp. 15–28.
- Kosta, Zimmerling 2022: Kosta, P., A. Zimmerling. Case Assignment. – In: Fellerer, J., N. Bermel (Eds.). *The Oxford Guide to the Slavonic Languages*. Oxford: Oxford University Press (in press).
- Krapova, Cinque 2008: Krapova, I., G. Cinque. Clitic Reduplication Constructions in Bulgarian. – In: *Clitic Doubling in the Balkan Languages*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 257–286.
- Kratzer 1995: Kratzer, A. Stage Level and Individual Level Predicates. – In: Carlson G., F. J. Pelletier (Eds.). *The Generic Book*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 125–175.
- Kustova 2002: Кустова, Г. И. О типах производных значений слов с экспериенциальной семантикой. – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 16–34. (Kustova 2002: Kustova, G. I. O tipah proizvodnyh znachenij slov s eksperientsial'noj semantikoj. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, pp. 16–34.)
- Kustova 2016: Кустова, Г. И. Конструкции прилагательных с компонентом «для Род». – В: *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Филологические науки, культурология*, № 6, с. 176–185. (Kustova 2016: Kustova, G. I. Konstruktsii prilagatel'nyh s komponentom «dlya Rod». – In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki, kul'turologija*, № 6, pp. 176–185.)
- Kustova 2021: Кустова, Г. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка). – В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2021»*, № 20 (27), с. 456–463. (Kustova 2021: Kustova, G. Tipy infinitivnyh konstruktsij s predikativami (po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo jazyka). – In: *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog-2021»*, № 20 (27), pp. 456–463.)
- Kustova 2022: Кустова, Г. И. Семантические и синтаксические свойства предикативов ощущения (сензитивов). – В: *Доклады от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, с. 201–207. (Kustova 2022: Kustova, G. I. Semanticheskie i sintaksicheskie svojstva predikativov oshchushchenija (senzitivov). – In: *Dokladi ot mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Prof. Lyubomir Andreychin”*. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”, pp. 201–207.)

- Leslie 1987: Leslie, A. Pretense and Representation: The Origins of “Theory of Mind”. – In: *Psychological Review*, Vol. 94, № 4, pp. 412–426.
- Letuchij 2014: Летучий, А. Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах. – В: *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки*, № 1, с. 62–84. (Letuchij 2014: Letuchij, A. B. Sintaksicheskie svojstva sententsial’nyh aktantov pri predikativah. – In: *Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova. Ser. Filologicheskie nauki*, № 1, pp. 62–84.)
- Letuchij 2018: Летучий, А. Б. Предикатив или прилагательное? Русские конструкции с полувспомогательными глаголами и прилагательными (типа: я считаю нужным участвовать). – В: *Вопросы языкознания*, № 2. с. 7–28. (Letuchij 2018: Letuchij, A. B. Predikativ ili prilagatel’noe? Russkie konstruksii s poluvspomogatel’nymi glagolami i prilagatel’nymi (tipa: ya schitayu nuzhnym uchastvovat’). – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, pp. 7–28.)
- Letuchij 2022: Летучий, А. Б. Предикативы в системе русских признаковых слов – наречий и прилагательных. – В: *Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология*, № 76, с. 105–147. (Letuchij 2022: Letuchij, A. B. Predikativy v sisteme russkih priznakovyh slov – narechij i prilagatel’nyh. – In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologija*, № 76, pp. 105–147.)
- Lyutikova 2017: Лютикова, Е. А. *Формальные модели языка. Теории и приложения*. Москва: Языки славянской культуры. (Lyutikova 2017: Lyutikova, E. A. *Formal’nye modeli jazyka. Teorii i prilozhenija*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul’tury.)
- Lyutikova 2018: Лютикова, Е. А. Структура именной группы в безартиклевом языке. Москва: Языки славянской культуры. (Lyutikova 2018: Lyutikova, E. A. *Struktura imennoj grupy v bezartiklevom jazyke*. Moskva: Jazyki slavjanskoj kul’tury.)
- Madariaga 2011: Madariaga, N. P. Infinitive Clauses and Dative Subjects in Russian. – In: *Russian linguistics*, Vol. 35, № 3, 301–329.
- Malchukov, Ogawa 2011: Malchukov, A., A. Ogawa. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. – In: Malchukov A., A. Siewierska (Eds.). *Impersonal Constructions. A cross-linguistic perspective*. [Studies in Language Companion Series 124]. Amsterdam: John Benjamins, pp. 19–56.
- Maslov 1981: Маслов, Ю. С. Категория состояния в болгарском языке. – В: *Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы*. Ленинград, с. 172–177. (Maslov 1981: Maslov, Yu. S. Kategorija sostojanija v bolgarskom jazyke. – In: *Teorija jazyka, metody ego issledovanija i prepodavanija. K 100-letiju so dnja rozhdenija L. V. Shcherby*. Leningrad, pp. 172–177.)
- Mel’čuk 1995: Mel’čuk, I. Syntactic or Lexical Zero. – В: *Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст»*. Москва, Вена: Языки русской культуры, с. 169–211. (Mel’čuk 1995: Mel’čuk, I. Syntactic or Lexical Zero. – In: *Russkij jazyk v modeli «Smysl ↔ Tekst»*. Moskva, Vena: Jazyki russkoj kul’tury, pp. 169–211.)
- Mel’čuk 2014: Mel’čuk, I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again. – В: Плунгян, В. А. и др. (ред.). *Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика*. Спб: Алетейя, с. 169–216. (Mel’čuk 2014: Mel’čuk, I. Syntactic Subject: Syntactic Relations, Once Again. – In: Plungyan, V. A. et al. (red.). *Jazyk. Konstanty. Peremennye. Pamjati A. E. Kibrika*. Spb: Aleteja, pp. 169–216.)

- Migirin 1970: Мигирин, В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные. – В: Ломтев, Т. П., А. А. Камынина (ред.). *Исследования по современному языку: сб. ст. посвящ. памяти Е. М. Галкиной-Федорук*. Москва. (Migirin 1970: Migirin, V. N. Kategorija sostojanija ili bessubjektnye prilagatel'nye. – In: Lomtev, T. P., A. A. Kamynina (Eds.). *Issledovanija po sovremenomu jazyku: sb. st. posvjashch. pamjati E. M. Galkinoj-Fedoruk*. Moskva.)
- Mitrenina 2017: Митренина, О. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа. – В: Лютикова, Е. А., А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*. Вып. 4, с. 64–70. (Mitrenina 2017: Mitrenina, O. Dativno-infinitivnaja konstruksija v ruskom jazyke kak predlozhnaja grupa. – In: Lyutikova, E. A., A. V. Zimmerling (Eds.). *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov*, Is. 4, pp. 64–70.)
- Moore, Perlmutter 1999: Moore, J., D. M. Perlmutter. Case, Agreement, and Temporal Particles in Russian Infinitival Clauses. – In: *Journal of Slavic Linguistics*, Vol. 7, № 2, pp. 219–246.
- Peshkovskij 1928: Пешковский, А. М. *Русский язык в научном освещении*. 3-е изд. Москва-Ленинград: Государственное издательство. (Peshkovskij 1928: Peshkovskij, A. M. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 3rd ed. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.)
- Petrova 2006: Петрова, Г. *Семантични роли на кратките дателни местоимения*. Бургас: Димант. (Petrova 2006: Petrova, G. *Semantichni roli na kratkite datelni mestoimeniya*. Burgas: Dimant.)
- Petrova 2020: Петрова, Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език. – В: *Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“*. Ts. 1, с. 100–106. (Petrova 2020: Petrova, G. Bezlichni predikativno-dativni konstruksii v balgarskiya ezik. – In: *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andrejchin“*. T. 1, pp. 100–106.)
- Popov 1881: Попов, А. В. *Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложенных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях*. Воронеж. (Popov 1881: Popov, A. V. *Sintaksicheskie issledovanija. Imenitel'nyj, zvatel'nyj i vinitel'nyj v svyazi s istoriej razvitija zalozhnyh znachenij i bezlichnyh oborotov v sanskrite, zende, grecheskom, latinskom, nemetskom, litovskom, latyshskom i slavyanskih narechijah*. Voronezh.)
- Pospelov 1955: Пospelов, Н. С. В защиту категории состояния. – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 55–65. (Pospelov 1955: Pospelov, N. S. V zashchitu kategorii sostojanija. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, s. 55–65.)
- Rappaport 1986: Rappaport, G. C. On a Persistent Problem of Russian Syntax: Sentences of the type *Mne negde spat'*. – In: *Russian Linguistics*, № 10, pp. 1–31.
- RBE 1977: *Речник на съвременния български език*. Т. 1-16. София: Институт за български език. <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> [10.07.2022]. (RBE 1977: *Rechnik na savremenniya balgarski ezik*. T. 1-16. Sofia: Institut za balgarski ezik, <<https://ibl.bas.bg/rbe/>> [10.07.2022].)
- Rusinov 1983: Русинов, Р. Наречие. – В: *Граматика на съвременния български книжовен език*. Т. 2: *Морфология*. София: Издателство на БАН, с. 387–408. (Rusinov 1983: Rusinov, R. Narechie. – In: *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik*. T. 2: *Morfologiya*. Sofia: Izdatelstvo na BAN, pp. 387–408.)

- Say 2013: Say, S. On the Nature of Dative Arguments in Russian Constructions with “Predicatives”. – In: *Current Studies in Slavic Linguistics*. Amsterdam: Philadelphia, pp. 225–246.
- Seliverstova 1982: Селиверстова, О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. – В: Селиверстова, О. Н. (ред.). *Семантические типы предикатов*. Москва: Наука, с. 86–157. (Seliverstova 1982: Seliverstova, O. N. Vtoroj variant klassifikatsionnoj setki i opisanie nekotoryh predikatnyh tipov russkogo jazyka. – In: Seliverstova, O. N. (Ed.). *Semanticheskie tipy predikatov*. Moskva: Nauka, pp. 86–157.)
- Shahmatov 1925: Шахматов, А. А. *Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и словосочетании*. Ленинград: АН СССР. (Shahmatov 1925: Shahmatov, A. A. *Sintaksis russkogo jazyka. Вып. 1. Uchenie o predlozhenii i slovosochetanii*. Leningrad: AN SSSR.)
- Shapiro 1955: Шапиро, А. Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? – В: *Вопросы языкознания*, № 2, с. 42–54. (Shapiro 1955: Shapiro, A. B. Est' li v russkom jazyke kategorija sostojanija kak chast' rechi? – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 2, pp. 42–54.)
- Shcherba 1928: Щерба, Л. В. Категория состояния в русском языке. – В: *Русская речь. Новая серия*. Ленинград, с. 5–27. (Shcherba 1928: Shcherba, L. V. Kategorija sostojanija v russkom jazyke. – In: *Russkaja rech'. Novaja serija*. Leningrad, pp. 5–27.)
- Shcherba 2008: Щерба, Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. 4-е изд. Москва: ЛКИ. (Shcherba 2008: Shcherba, L. V. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. 4-e izd. Moskva: LKI.)
- Shvedova 1982: Шведова, Н. В. (ред.). *Русская грамматика. Т. 1–2*. Москва: Наука. (Shvedova 1982: Shvedova, N. V. (Ed.). *Russkaja grammatika. T. 1–2*. Moskva: Nauka.)
- Testelec 2001: Тестелец, Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва: РГГУ. (Testelec 2001: Testelec, Ya. G. *Vvedenie v obshchij sintaksis*. Moskva: RGGU.)
- Tisheva 2019: Тишева, Й. Означаване на синтактични отношения: предложни и именни фрази. – В: *Български език, Приложение 2019*, с. 77–92. (Tisheva 2019: Tisheva, J. Oznachavane na sintaktichni otnosheniya: predlozhni i imenni frazi. – In: *Balgarski ezik. Prilozhenie 2019*, pp. 77–92.)
- Todorova 2022: Todorova, M. Idiomatic and Idiomatised Predicative Constructions. Paper presented at the *Conference “Grammatical Processes and Systems in Synchrony and Diachrony”*, Moskva, June 13–15, 2022.
- Veyrenc 1979: Veyrenc, J. *Les propositions infinitives en russe*. Paris: Institut d'Etudes Slaves.
- Vinogradov 1947: Виноградов, В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва-Ленинград. (Vinogradov 1947: Vinogradov, V. V. *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva-Leningrad.)
- Vinogradov 1972: Виноградов, В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва-Ленинград. (Vinogradov 1972: Vinogradov, V. V. *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva-Leningrad.)
- Zaliznjak 1992: Зализняк, А. А. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. München: Otto Sagner. (Zaliznjak 1992: Zaliznjak, A. A. *Issledovanija po semantike predikatov vnutrennego sostojanija*. München: Otto Sagner.)
- Zimmerling 1998: Циммерлинг, А. В. История одной полемики. – В: *Язык и речевая деятельность*, № 1, с. 63–87. (Zimmerling 1998: Zimmerling, A. V. Istorija odnoj polemiki. – In: *Jazyk i rechevaja dejatel'nost'*, № 1, pp. 63–87.)

- Zimmerling 1999: Циммерлинг, А. В. Субъект состояния и субъект оценки. – В: Арутюнова, Н. Д., И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва, с. 221–228. (Zimmerling 1999: Zimmerling, A. V. Subjekt sostojanija i subjekt otsenki. – In: Arutyunova, N. D., I. B. Levontina (Eds.). *Logicheskij analiz estestvennogo jazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i jazyke*. Moskva, pp. 221–228.)
- Zimmerling 2009: Zimmerling, A. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian. – In: Zybatow, G. et al. (Eds.). *Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Discourse Structure*. Peter Lang, pp. 253–268.
- Zimmerling 2018a: Циммерлинг, А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. – В: *Вопросы языкознания*, № 5, с. 7–33. (Zimmerling 2018a: Zimmerling, A. V. Impersonal'nye konstruksii i dativno-predikativnye struktury v russkom jazyke. – In: *Voprosy jazykoznanija*, № 5, s. 7–33.)
- Zimmerling 2018b: Циммерлинг, А. В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке. – В: *Slavistična revija*, № 1, с. 45–64. (Zimmerling 2018b: Zimmerling, A. V. Predikativy i predikaty sostojanija v russkom jazyke. – In: *Slavistična revija*, № 1, pp. 45–64.)
- Zimmerling 2018c: Циммерлинг, А. В. Так им и надо: нужны ли эндоклитики для описания русской грамматики. – В: *Русский язык в научном освещении*, № 2, Т. 36, с. 159–179. (Zimmerling 2018c: Zimmerling, A. V. Tak im i nado: nuzhny li endoklitiki dlja opisanija russoj grammatiki. – In: *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, Т. 36, № 2, pp. 159–179.)
- Zimmerling 2020a: Циммерлинг, А. В. Автореферентность и классы предикативных слов. – В: Воейкова, М. Д., В. В. Казаковская (ред.). *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. Санкт-Петербург: ИД ЯСК, с. 23–58. (Zimmerling 2020: Zimmerling, A. Avtoreferentnost' i klassy predikativnyh slov. – In: Voejkova, M. D., V. V. Kazakovskaya (Eds.). *Problemy funkcional'noj grammatiki: Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategorij*. Sankt Peterburg: ID JASK, pp. 23–58.)
- Zimmerling 2020b: Циммерлинг, А. В. Одушевленность. Русский язык. – В: *Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН*, т. 24, с. 43–56. (Zimmerling 2020b: Zimmerling, A. V. Odushevlennost'. Russkij jazyk. – In: *Trudy Instituta russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova RAN*, vol. 24, pp. 43–56.)
- Zimmerling 2021a: Zimmerling, A. Primary and Secondary Predication in Russian and the SLP: ILP distinction revisited. – In: Warditz, V. (Ed.). *Russian Grammar: System – Language Usage – Language Variation*. Frankfurt a.M., pp. 543–560.
- Zimmerling 2021b: Циммерлинг, А. В. *От интегрального к аспективному*. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История. (Zimmerling 2021b: Zimmerling, A. V. *Ot integral'nogo k aspektivnomu*. Moskva-Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija.)
- Zimmerling 2022: Zimmerling, A. Existentials, Modals and the Ontology of States. – В: *Доклады от международной годишна конференция на Института за български език “Професор Любомир Андрейчин”*. Sofia, pp. 57–66. (Zimmerling 2022: Zimmerling, A. Existentials, Modals and the Ontology of States. – In: *Dokladi ot mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Professor Lyubomir Andrejchin”*. Sofia, pp. 57–66.)
- Zolotova 1982: Золотова, Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: Наука. (Zolotova 1982: Zolotova, G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. Moskva: Nauka.)

Dative-predicative structures and the syntax-semantics interface in Russian and Bulgarian

Maxim Stamenov^a, Anton Zimmerling^b

Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin, Bulgarian Academy
of Sciences^a, Pushkin State Russian Language Institute/ Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences^b

maxstam@bas.bg, fagraey64@hotmail.com

Abstract

In this chapter we study the place of dative-predicative structures (DPS) in Russian and Bulgarian and their interaction with the syntax-semantics interface. We pay attention to the main distinctive features of predicatives from a formal and a semantic perspective, as well as to the properties and specifics of the interface between the form and content of this type of structures in terms of their capacity for expressing core morphological, syntactic and semantic relations.

Keywords: *case: agreement, dative-predicative structures, dative-infinitive structures, Davidsonian states, experiencer, syntactic control, semantic control, grammatical category of person, pronominal clitics*

Maxim Stamenov
DSc Prof.
Institute for Bulgarian Language
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski prohod Blvd., Bl. 17
Sofia, 1113 Bulgaria
<https://orcid.org/0000-0003-4907-533X>

Anton V. Zimmerling
DSc Prof
Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St.
Moscow, 117485 Russia
Institute of Linguistics
Russian Academy of Science
1 Bol'shoi Kislovskij Lane
Moscow, 125009 Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>